

Максим Горький

Преступники

Максим Горький

Преступники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2136465

Аннотация

«Двор колонии. Два деревянных одноэтажных корпуса один против другого – мастерские столярная и сапожная. В середине их – сараеобразная церковь, она же и школа. Около двери её, на перекладине двух столбов – колокол. Вправо и влево от церкви – по косо́й линии, как два её крыла – спальни преступников, в окнах – железные решётки. В глубине – двухэтажный дом администрации, сарай, погреб, за ним огород...»

Содержание

Преступники	4
Преступники учатся	15
Преступники забавляются	22
Преступники мечтают	28
У другого окна	30
Преступники бегут	32
Через двадцать лет	37
Ещё через десять лет	42
Бог и хлеб	49
Голодный год	61
Беспризорные	67
Учителя	77
Начало конца беспризорщины	80
Дело одной ночи	85
Начали работать	100
История большевской колонии ГПУ	108
Устраиваются	117
Снова в Николо-Угреше	129

Максим Горький

Преступники

Преступники

1

Унылая, кочковатая местность, – осушенное болото. На фоне мелкоколосья – частокол, над ним возвышается крыша, одна из них увенчана луковицей и крестом.

2

Частокол, в нём – широкие ворота, в левом полотнище – калитка с «глазком». Над воротами дугой – вывеска:

**КОЛОНИЯ МАЛОЛЕТНИХ
ПРЕСТУПНИКОВ ОСНОВАНА В 1885
ГОДУ ТЮРЕМНЫМ КОМИТЕТОМ
НА СРЕДСТВА, ПОЖЕРТВОВАННЫЕ
КУПЦОМ ПЕРВОЙ ГИЛЬДИИ
Я. С. ЧЕРНОБЫЛЬНИКОВЫМ И
ДРУГИМИ ИМЕНИТЫМИ ГРАЖДАНАМИ.**

3

Двор колонии. Два деревянных одноэтажных корпуса один против другого – мастерские столярная и сапожная. В середине их – сараеобразная церковь, она же и школа. Около двери её, на перекладине двух столбов – колокол. Вправо и влево от церкви – по косой линии, как два её крыла – спальни преступников, в окнах – железные решётки. В глубине – двухэтажный дом администрации, сарай, погреб, за ним огород.

4

Администраторы и воспитатели: Антон Васильевич **Полувеков**, смотритель колонии, бывший полицейский офи-

цер, человек полубольной, тощий, раздражительный, одет неряшливо, белый китель, брюки навывпуск, ночные туфли, полицейская фуражка. Прихрамывает, ходит с палкой.

5

Оношенко – помощник смотрителя – толстенький, круглый, благодушный старичок, тоже бывший полицейский. На пухлом личике – неувядаемая улыбочка, руки всегда в карманах брюк. Надзиратели. Четверо, люди в возрасте от сорока до шестидесяти лет.

Повар **Буянов**, человек огромного роста и дикого вида, широколицый, небритый, лохматый, с выкатившимися глазами. Пьяница.

Трое сторожей, вооружены охотничьими двухстволками. Один из них – **Миша**, старый солдат, на обязанности его – пороть преступников розгами. Он – человек с хроническим насморком, часто чихает.

Поп, он же учитель грамоты. Суетливый, захудалый и как будто испуганный чем-то маленький старичок. Держится в стороне от всех, руки всегда за спиной. Ходит мелкими шагами, осторожно.

Климов – сапожник, угрюмый, лысый старик, с густыми бровями. Прислуживает в церкви за дьячка.

Яшин – столяр, весёленький пьяница.

6

Утро. Один из сторожей звонит в колокол. Сапожник Климов открывает дверь церкви. Надзиратели **Ордынцев, Ивановский, Судаков** и **Делягин** – у дверей барачных, командуют:

– По трое в ряд – стройся! Смирно! На молитву – марш!..

7

Одновременно из обоих барачных идут преступники, их в общем сто – сто двадцать; мальчики возраста от 10 до 15 лет. Человек десять кажутся старше. Все гладко острижены, в круглых шапочках без козырьков, в однообразных курточках и лыковых лаптях.

Надзиратели командуют:

– Ногу, ногу держи, черти оголтелые!

– Ать, два. Ать, два!левой,левой!..

Следует подчеркнуть фигуры:

Васька Лисица – парень с виду лет 17, остроносое лицо, худощавый, ловкий, насмешливо прищуренные глаза. Он – любимчик Оношенко, шпион.

Иван Смирнов – лет 15, крепкий парень, лицо серьез-

ное, даже суровое, тяжёлая походка.

Арап – лет 12, изящный, ловкий, красивый.

Алёшка Чумовой – тоже лет 12–13, очень детское лицо, горячие глаза фантазёра.

Ерохин – мальчик лет 15, угрюмый, нахмуренные брови, кажется старше своих лет.

Сушков – слабенький, тощий, нервный, лет 11–12.

8

Из-за угла церкви выходят: повар, столяр.

Их обгоняет попик, бежит в церковь. Идёт Оношенко. Буянов и Яшин останавливают его, шепчутся. Оношенко – кивая головой:

– Ладно, валяйте. *(Кричит.)* Лисица!..

9

Буянов, Яшин за углом церкви дают Лисице деньги:

– Валяй в село. Возьмёшь с собой Сашку Макова. Принесёте по четыре бутылки. Быстро!

Лисица. Знаю!

Буянов. Как только кончится порка, зритель уйдёт, – так и беги!

Лисица. Ладно. *(Убежал в церковь.)*

Яшин. Всю ночь не спал, комары едят, клопы едят.

Буянов. А того больше – скука ест.

10

Идёт Полувеков, за ним надзиратель со стулом и сторож Миша с пучком розог под мышкой. Полувеков, ответив на поклоны повара и столяра, проходит в церковь. Надзиратель Судаков приносит скамью.

Яшин. Драть будем, дядя Миша!

Миша. Обязательно. Субботний расчёт за грехи недели, как полагается.

Яшин. Любишь ты это дело!

Миша. Заставят, и ты полюбишь.

Буянов. От скуки и самого себя выпороть можно.

Яшин. Вон как воют молитвы! И на кой пёс мальчишков этих берегут? Мастеровых из них не сделаем, работать они не охочи, да и силы у них нету, кормим плохо.

Буянов. Это ты врёшь. Кормим отлично.

Миша. Толокно-то загнило, да и капуста...

Буянов. И ты врёшь. Гляди: смотритель услышит...

Яшин. Воруете вы с Оношенко многовато...

Буянов отходит прочь.

11

Из церкви выходят преступники, надзиратели строят их в три колонны, покоем¹

Командуют:

– Смирно! Эй, кто там шапки надел? Снять!

12

Яшин (*щупая розги*). Сучков на розгах нет?

Миша. А тебе какое дело?

Яшин. Намедни ты сучками до крови изранил мальчишек.

Миша. А они, сукины дети, сами розги резали, сами бы и смотрели – есть сучки али нет.

Яшин (*вздыхает*). Эхе-хе. Зряшное это дело.

Миша. А ты – попробуй переделай!

13

Из церкви выходят Полувеков и Оношенко.

Полувеков. Здорово, колонисты!

– Здравия желаем, Антон Васильевич!

¹ Т. е. буквой «П» – *Ред.*

Полувеков садится на стул, Оношенко подаёт ему список преступников, подлежащих наказанию. Надев пенснэ, Полувеков говорит:

– Смирно! Ну, что же? Опять за эту неделю двадцать три зверёныша заслужили наказание? Вы, скоты, всё ещё не можете понять, что место ваше – в тюрьме, среди воров и убийц, среди каторжников и что здесь вы живёте из милости, по доброте людской, по милосердию честных

людей! Не понимаете этого? Ну, и пеняйте на себя. Сегодня будут наказаны (*читает*): Смирнов Иван за дерзости помощнику моему, за непослушание приказу надзирателя и воспитателю Климову, за разбитие стекла в окне – пятнадцать розог. Я тебя, Смирнов, усмирю. Ты у меня забудешь, как на мачеху ножом замахиваться.

Смирнов. Не ножом, а стамеской.

Полувеков. А за то, что ты смеешь поправлять меня, я тебе прибавлю ещё пяток. Двадцать – Смирнову! Михаилу Арапову за неприличное поведение в церкви – пятнадцать розог.

Арапов. У меня, Антон Васильич, живот болит...

Полувеков. Молчать! А то – прибавлю. Слесареву и Югову за драку – по десять. Ерохину, Сушкову, Макову и обоим Ивановым за кражу каравая белого хлеба – чистить отхожее место. Сверх того, Ерохину, за то, что прикрывал соучастников кражи, – десять розог. Я тебя, Ерохин, переломлю! Алексею Чумову за оскорбление преподавателя Кли-

мова – десять. Деева, Трофимова, Сидельникова на воскресенье в карцер. Остальных на завтра – без прогулки. Завтра наиболее отличившиеся поведением примерным идут в лес, за грибами. Таковых... Семнадцать человек. Начать экзекуцию со Смирнова. Делай! Солил розги?

Миша. Так точно!

Полувеков. Покажи рукавицу.

Миша показывает.

14

Двое надзирателей ведут Смирнова к скамье. Миша расправляет розги, пропуская их сквозь кулак, – на руках у него кожаная рукавица, смоченная солёной водой, он оглаживает розгу после каждого удара по телу наказуемого. Делалось это якобы в целях гигиенических. У ног Миши деревянное ведро с рассолом. Смирнов упирается, мычит. Его кладут, двое надзирателей держат за ноги и за руки.

Оношенко (*считает*). Раз. Два. Три... Миша – не фальшивь! Четыре!

Полувеков. Смирнова за сопротивление – в карцер на сутки.

15

К скамье ведут Ерохина. Из фронта выскакивает Сушков, бросается в ноги Полувекову, визжит:

– Не бейте меня... Простите! Я не буду, Антон Васильич – я не буду...

Полувеков. Убрать!

Оношенко оттаскивает Сушкова за ногу. Среди ребятишек некоторые, человек пять – восемь, испуганы, плачут.

16

Из окна дома администрации смотрит на экзекуцию жена Оношенко, толсторожая баба лет сорока, смотрит с наслаждением. Из-под руки её выглядывает дочь Полувекова, девочка лет 12.

Оношенко. Гляди, какие у них крутенькие да крепкие. (*Крякает.*) Ты, Людмилочка, не высовывайся очень-то, папаша увидит, заругается. Не велит он показывать тебе, как мальчишек секут.

Людмила. А девочек тоже секут?

Оношенко. И девочек – тоже. Наука. Не накажешь – не научишь. Меня, милая, так били, что, бывало, даже все чувства повыбьют, ни крику, ни дыхания нет. Отец бил, потом

– тётка, а как отдали в ученье, в швейки – хозяйка драла за волосы или по щекам наслёпает.

Людмила. Михайловна, отчего так нехорошо везде? Только в лесу и хорошо.

Оношенко. В лесу, милая, очень даже хорошо! Где людей нет, там всегда прелестно...

Людмила. Скорее бы – осень и снова в училище. Там хоть дразнят меня за то, что хромая...

Оношенко. Там, конечно, подруги... Гляди, как Сушков-то извивается... ишь ты!

Людмила. Не хочу!

Оношенко. Ой, что ты кричишь! Спрячься скорей, присядь.

17

Полувеков – встал на ноги, смотрит в окно дома, грозит палкой. Яшин – льёт горстями воду на голову Сушкова, лежащего в обмороке на земле.

Преступники учатся

1

Школа. Алтарь и амвон скрыты занавесом. На грубых деревянных партах двадцать пять – тридцать малышей. На задних партах – шалят, возятся. За передней стоит Сушков. За столом – попик, непрерывно нервно барабанит пальцами, в левой руке – линейка. Он говорит мальчику, стоящему за первой партой:

– Оказывается, ты, Анисимов, ничего не знаешь о сотворении мира. Сие не похвально, даже постыдно и достойно возмездия, кое и не минует тебя. Садись. Маков! Расскажи о потопе. Маков, тебе говорю – встань!

Маков. Меня держат.

Поп. Кто держит? Беси?

Маков (*подскочил*). Ой!

[Поп]. Что это значит?

Маков. Они щиплются.

Попик подходит к парте и бьёт линейкой плашмя по головам соседей Макова, кстати и по его голове.

– Говори!

Маков, шмыгая носом:

– Когда людей расплодилось много, они начали строить Вавилонову башню.

Попик. Зачем же это?

Маков. Чтобы спастись от потопа.

Попик. Так-так-так! Ну?

Маков. А этот... Ной, выстроил... баржу.

Попик. Дурак. Но – продолжай.

Маков. Тут у них смешались языки...

Попик. Так-так-так! Что значит – смешались языки?

Маков. Я не знаю.

Попик. Так. Ну, ты тоже ничего не знаешь, как Анисимов, Евченко и все другие. А не знаете вы потому, что не хотите знать. О чём и будет доложено зрителю.

Маков. Батюшка, у нас время нет учиться.

Поп. Лжёшь.

Маков. Да вы сосчитайте часы-то!

Поп. Молчи. Ой, Маков, прикуси язык свой дерзкий! Начнём пение. Пожалуйста сюда, беси болотные, кикиморы!

Мальчики становятся полукругом у стола. Попик достал камертон и командует.

– Начинайте «Волю»! Ну – раз, два!

Взмахивает руками; дети поют:

Ах ты, воля, моя воля,

Золотая ты моя.

Воля – сокол поднебесный.

Воля – светлая заря.

Не с росой ли ты спустилась?
Не во сне ли вижу я?
Аль горячая молитва
Долетела до царя.

Знать, услышал он, голубчик,
Про житьё-бытьё, нужду,
Знать, увидел он, родимый,
Горемычную слезу.

2

Столярная мастерская. Перерыв в работе. Десятка два мальчиков окружают Яшина и Лисицу. Смирнов и Ерохин в углу, сидя на верстаке, о чём-то перешёптываются. Яшин – пьяненький, благодушен. Лисица показывает, как надобно воровать кошельки из карманов и как «перетыривать» их из рук в руки. Яшин восхищается:

– Это-то фокус! Это – ловко! Ах, сукин кот! А часы срезать можешь?

Лисица. Часы, Степан Иванович, трудно. Это очень трудно!

Лапотошник. Бумажник – значит, тоже трудно стырить...

Вошёл Оношенко, стоит и наблюдает.

Яшин. Постой, сукин кот! Да ты уж слямзил часы-то! Ах, дьявол!

Оношенко. А Лисица учит ребят лучше, чем ты, Яшин, а? Ты, старый чёрт, опять балуешь? Гляди, – смотрителю доложу! (*Бьёт Лисицу.*) Я тебе, сволочь, говорил, чтоб ты бросил фокусы эти? Говорил?

Яшин. Ты – не сердись, не бей его! Он – хват! Эх, зря вы его держите здесь! На воле он – барином жил бы...

Оношенко. Будет болтать! Эй вы, за работу! Смирнов, Ерохин, опять вместе? Я кому сказал, что вместе вам не полагается быть, а? Запишу (*вынул книжку, пишет*).

3

Сапожная мастерская. Мальчики сучат драгву, кладут заплаты на обувь, клеят каблуки, подошвы. Медленно шагает Климов, присматриваясь к работе. В руке – шпандырь. Он колотит им ребятишек по головам, по спинам, кричит:

– Как держишь головку, болван? Положи на колено. Конец шила сломан – не видишь? Отточить надо. Это что? Кривой каблук-то клеишь, осёл! Ну, отдых на четверть часа. Шабаш. Куда побежали? Не смей! Дьяволята. За вас Христос страдал, святые угодники мучились, зверям на съедение шли, а вы, дьяволы дети, в церкви воняете. (*Сел на стул у окна.*) Собирайтесь сюда, живо! (*Ребята окружают его.*) Намедни я вам рассказывал житие святых Кирика и Улиты, а сегодня

слушайте Пантелеймона Целителя и великомученика житие. Не толкайтесь, мало вам места? Зверята! Тише! *(Откашлялся.)* В царствование императора римского... Арап, это что такое император?

Арап. Царь.

Климов. Какой?

Арап. Всё равно какой, всякий.

Климов. Осёл! Не всякий, а всероссийский.

Арап. Вы сказали – римский.

Климов. Я тебе, харя, объяснял: римских больше нет, в Риме теперь папа сидит. Дурак, тупая башка! Ты. чего смеёшься, кося морда!

4

На дворе, за домом администрации, преступники пилят дрова, укладывают их в поленницы, толстые поленья раскалывают. Роят канавы для стока воды. За ними наблюдает надзиратель. Работают молча.

5

За углом церкви – Арап, Чумовой и Людмила, она – хромая, с костылём.

Людмила. Вы – не стыдитесь...

Чумовой. Чего стыдиться?

Арап. Не мы порем, а нас порют. Наплевать нам на стыд.

Людмила. Девочек тоже секут.

Чумовой. Тебя – секли?

Людмила. Мне Оношенкова жена сказала, что секут.

Арап. Она – стерва.

Чумовой. Настоящая стерва. Ты её не слушай!

Людмила. За что вы её ругаете? Она – добрая.

Арап. Она с Лисицей живёт.

Людмила. Неправда! Она – с мужем, а Лисица – с вами в бараке живёт.

Мальчики, усмехаясь, переглянулись.

Арап. Ты не понимаешь, про что мы говорим.

Чумовой. Ей и не надо понимать это, она – хромая.

Людмила (*обиделась*). Я знаю, что хромая, а вы – дураки!
И – врётё! У-у... Воришки! Дрянь.

Идёт прочь.

Чумовой. Обозлилась.

Арап. Дурочка. Эх, как есть хочется!

Чумовой. Айда в кухню, помой выносить. Может, хлеба украдём. (*Уходят.*)

6

В углу, в тени частокола, Людмила, сидя на земле, сплетает из травы венок. Ерохин идёт с лопатой на плече. Замед-

лив шаг, смотрит на Людмилу, она улыбается ему.

Людмила. Вот – села, а встать – трудно.

Ерохин молча подаёт ей костыль, помогает встать.

Людмила. Спасибо. Ты всегда кому-нибудь помогаешь.

Ерохин (*сконфуженно*). Ну уж – всегда! Не всегда, а как приходится.

Людмила. За что тебя посадили сюда?

Ерохин. Голубей воровал.

Людмила. Я очень люблю голубей.

Ерохин (*усмехаясь*). Воровать? (*Идёт прочь.*)

Людмила грустно смотрит вслед ему. Бросила венок на землю, идёт к дому.

Преступники забавляются

1

В углу двора, за поленницей дров, четверо играют в карты, «в носы»: Лисица, Ерохин, Арап и Сушков. Чумовой на страже.

Лисица. Готово? Подставляй нос...

Арап. Ты – смошенничал. Не давайся ему, Сушков!

Сушков. Ничего, пускай бьёт. Только не по щекам! Сжав большими пальцами нос, прикрывает щёки тылом ладоней.

2

Лисица бьёт картами по носу Сушкова, делая это с наслаждением садиста. Бьёт по крыльям носа и сверху вниз.

Арап (*кричит*). Не бей сверху! Это – не закон!

Лисица. Не ори, в зубы получишь.

Арап. Ерохин – чего он делает? Заступись.

Сушков – плачет.

3

Ерохин. Брось, Лиса!

Лисица. Ты – кто? Начальник? Семнадцать, восемнадцать.

Ерохин. Брось!

Лисица. Пошёл ты к чёрту! Девятнад...

Ерохин бьёт его ладонью по уху.

Арап. Так его!

4

Ерохин и Лисица – дерутся. Арап, прыгая вокруг них, подзадоривает:

– Лупи его, Ероха-воха! Под душу дай.

5

Сушков, прислонясь к забору, глядя рукой распухший нос, вытирает другой слёзы из глаз. Чумовой – советует:

– Ты, пойдди, умойся.

6

Лисица, сидя на пне, сплёвывая кровь с разбитой губы, говорит:

– Это ему даром не пройдёт! И Арапу не пройдёт.

Чумовой. Оношенке – наябедничаешь? Изобьём.

Лисица. Ты – изобьёшь?

Чумовой. Все. Как в прошлый раз.

Лисица пинком ноги в живот опрокинул Чумового.

– Получи задаток! Я вас, комаров, передавлю.

Уходит, поплёвывая. Чумовой пробует встать на ноги, падает.

7

По двору идёт, как слепая, жена Оношенко. Наткнулась на Лисицу, выскочившего из-за угла церкви.

– Куда? Кто это тебе мурлетку расколол?

Лисица. Ерохин со Смирновым.

Оношенко. Эх ты, мозгляк! Все тебя бьют.

Лисица. Ну уж это – врёте!

Оношенко. Чего-о?

Лисица. Неправда. Я сам всех бью.

Оношенко. Маленьких. А Смирнова не можешь. Дрянь.

Лисица. Я...

Оношенко. Иди, иди! Разговорился... Сорока...

8

Ерохин, согнувшись, смотрит в щель забора. Отламывает кусок доски с треском, испугался, просунул кусок в щель. Идёт Смирнов, в руке – пила.

– Ты что тут?

Ерохин. На волю гляжу.

Смирнов. Тебя Яшин спрашивал.

Ерохин. Лисицу надо бы выпороть.

Смирнов. Мало ли чего надо.

Ерохин. Сволочь он.

Смирнов. Все хороши.

Ерохин. Он с женой Оношенко путается.

Смирнов. А тебе – завидно? (*Уходит.*)

9

Ерохин, тупо посмотрев вслед ему, стучит лбом о забор.

10

Смирнов, жена Оношенко – под колоколом.

– Ты что же, дурачок, не пришёл, а?

Смирнов, глядя на неё исподлобья, молчит.

Оношенко. Считают тебя храбрым, а ты – бабы боишься.

Что молчишь?

Смирнов. Шкура.

Оношенко. Ка-ак?

Смирнов. Шкура.

Идётпрочь. Женщина смотрит вслед ему, улыбаясь, потом, вздохнув, облизнула губы.

– Вот я скажу, как ты Лисицына избил!

Смирнов (*оглянулся*). Шкура.

Оношенко – смеётся.

11

Рассвет. Спальня. Тихо открывается дверь. Входит Лисица, за ним ещё четверо. В руках одного – одеяло. Подходит к одной койке, набрасывает на голову спящего одеяло, двое садятся на ноги его. Лисица и двое других – бьют. Проснулся, соскочил с койки Сушков, кричит:

– Ой... что это? Братцы...

Лисица, схватив с койки одеяло Сушкова, набросил его на голову мальчика, свалил с ног и пинками забил под койку. Звуки мягких ударов, хрип, мычание.

У окна – избитый Ерохин ощупывает себя. Около него Сушков и ещё человека три, остальные – спят.

Ерохин. А кто им дверь отпер?

Сушков. Кабы я, так они бы меня не били.

Ерохин. Дураков бьют и за – да и за – нет. Я знаю, что дверь снаружи заперта.

Один из ребят. А ключи – у Оношенка, значит – жена его дала ключи.

Сушков. Вот бы мышьяком отравить бабу.

Ерохин. А где у тебя мышьяк? Дура болванова.

Другой из ребят. Поджечь бы это заведение.

Преступники мечтают

1

Яркая, лунная ночь. В бараке на нарах под окном шестеро: Лисица, Чумовой, Арап и ещё трое.

Арап. Кабы книжек давали...

Лисица. Эх ты, мозгляк! Попал сюда из-за книжек и – сиди.

Арап. Мне это не стыдно. Я – бедный, я книжки украл не на продажу.

Лисица. Украл! Умеешь ты украсть...

Арап. Научусь. Не больно форси.

Лисица. Дурак.

Арап. Ничего не дурак! Когда книжку читаешь, всё равно как в другом царстве живёшь.

Чумовой. А я, когда буду вором, свой цирк заведу.

Лисица. Ты сколько раз воровал?

Чумовой. Семь. Я всё около цирка. Украду, куплю билет, вот и – царь!

Лисица. Вора из тебя никогда не будет, глупый ты.

Арап. Ничего не глупый, он только глухой немножко.

Чумовой. Это по башке меня треснули, я и оглох.

Арап. Ух, как бьют...

Лисица. Умных – не бьют, а вот эдаких и надо бить.

У другого окна

1

Смирнов, Ерохин и Сушков.

Смирнов. Я фигуры из дерева ловко резал.

Ерохин. Какие фигуры?

Смирнов. Людей, полицейских, собак. Свинью вырезал, а морда как у мачехи. Она у меня всё сожгла. Из-за неё и попал сюда.

Сушков. А меня дядя законопатил. Я – сирота, а он – сволочь. Маленький, хворый, как наш смотритель, а на него четырнадцать человек работают, вывески пишут.

Ерохин. Вот это я не понимаю, почему на плохих людей хорошие работают? У меня отец грузчик, он двадцать пудов поднимает, а подрядчик у него – старичишко, едва ходит, распух весь от жира. Как это допускается начальством?

Смирнов. Бежать отсюда надобно.

Сушков. Куда?

Смирнов. Там видно будет.

Ерохин. Куда побежишь? Родных у нас нету.

Смирнов. Родные-то хуже чужих.

Сушков. Да-а...

Входит надзиратель, кричит:

– Это что? Кто это не дрыхнет, а? Ложись, мать вашу...

Смирнов, Ерохин, Сушков вытягиваются на нарах. Спавшие – просыпаются.

Преступники бегут

1

Утро, sereneкий рассвет. У частокола около поленницы дров – Смирнов, Сушков, Ерохин. Смирнов осторожно влезает на дрова.

2

Внешняя сторона частокола. На землю прыгает Смирнов, за ним Ерохин, потом – Сушков, он, упав на землю, вскрикивает.

Смирнов. Ушибся?

Ерохин. Ну его к чёрту. Бежим!

Смирнов. Погоди...

Сушков. Ногу... ногу больно...

Ерохин бежит. Смирнов поглядел вслед ему, взглянул на Сушкова и тоже побежал.

3

Сушков – кричит. На дворе шум, сыплются дрова. Вы-

стрел.

4

Болотистый лес. Между деревьев мелькают, прыгая по кочкам, Ерохин и Смирнов.

5

Двор колонии. Сторож звонит в колокол.

6

Снова лес.

7

На дворе – смятение, бегают надзиратели, сторожа. Оношенко тащит за шиворот Лисицу, орёт:

– Кто бежал, а? Сукин ты сын! А? Кто?

Лисица. Я не знаю, ей-богу, не знаю!

Оношенко. А ты чего смотрел, а?

Лисица. Да я же – спал, господи...

8

Сторож втаскивает в калитку ворот Сушкова, мальчик кричит.

Оношенко (*Сушкову*). Кто бежал?

Сушков. Ерохин... Смирнов... Они меня сманили... бросили... Я не виноват...

9

Болотная поляна в лесу. Смирнов, Ерохин, оба мокрые, щупают палками болотистую почву.

Смирнов. Надо кругом бежать.

Ерохин. Прямо... Прямо, а то догонят. Слышал – стреляли?

Смирнов. Эх, Сушков-то... Это ты сманил его! А он – слабый... Сманил и бросил.

10

Двор. Оношенко – Лисице:

– Беги, лови их. Возьми Розмыслова, Юрьева, Васильева. Живо!

11

Из бараков выбегают мальчики.

Оношенко. Марш, назад, сукины дети! Ордынцев, Судачков – загоняйте их!

Надзиратели загоняют.

12

Лес. Бегут Лисица и его товарищи. За ними – сторожа, Миша с ружьём и надзиратель с палкой.

13

Болото. Поперёк его шагают по грудь в воде Смирнов, Ерохин.

14

У края болота в луже воды плавает шапочка. Прислонясь к дереву, стоит Смирнов, смотрит на неё и плачет.

Из-за деревьев прокрадывается Лисица, бросился на Смирнова, сбил его с ног, сел верхом, бьёт кулаками по голове и кричит:

– Сюда! Поймал! Я поймал... первый!

Через двадцать лет

1

Небольшая, в два окна, по-мещански уютно обставленная комната – заменяет столовую, в углу – три иконы, пред ними – лампадка. Стекланный шкаф с посудой. Посредине – стол. За столом – Лисица, хозяин квартиры, ему под 40, одет аккуратно, причёсан гладко, изношенное старческое лицо украшено бородкой. Жена его, ей лет 25. Арап – курчавая голова, бритый.

2

Лисица (*налил водки, поднимает рюмку*). Ну, со свиданьем, Миша!

Чокаются, пьют; закусив, Лисица говорит:

– Вот и опять встретились. Нет, нет, да и снова столкнёт нас господь.

Арап. Веришь в бога?

Жена. В чёрта он верит, да и то не каждый день.

Лисица. Не болтай чего не понимаешь! В бога верить – обязательно для приличия. В людях живём. Нам отличатся

от них не следует.

Жена. Селёдки – и те отличаются одна от другой.

Арап. Расскажи, как ты у графа работал?

Лисица. Это, брат, смешное дело!

3

Ночь. Богато обставленный кабинет. Шевелится драпировка на окне. Раздвинулась, выглядывает голова мальчика, широко, испуганно открытые глаза. Прислушался, исчезает. Щёлкает шпингалет окна. Из-за драпировки выходит Лисица, тоже прислушивается. Затем наклонился над столом, взламывает, раздаётся треск дерева.

4

Из-за драпировки двери налево вышел человек в нижнем белье, с револьвером в руке, кричит:

– Кто это? Ах ты...

Присел за кресло, вытянул руку с револьвером, – не стреляет, но слышно щёлканье курка. Лисица – обомлел, стоит, покачиваясь, потом, схватив пресс-папье, бросает его в сторону человека, тот прячется за спинку кресла, кричит. Лисица бросается к окну, выстрел, но Лисица успел выскочить.

5

Пустынная улица. Лисица треплет мальчика за волосы, приговаривая:

– Я тебя учил, осторожно, осторожно, осторожно открывай окно!²

6

Снова квартира Лисицы.

Арап. У меня дело есть.

Лисица. Анна, взгляни, Петька на кухне?

Жена уходит.

Арап. Не веришь ей?

Лисица. Зачем бабе лишнее знать? Да и мальчишка у меня подслушивать любит.

Арап. Тот?

Лисица. Нет, третий после того. Тот замёрз пьяный. А этот – хорош, ловкач. Любопытен только, сукин сын, не в меру. Ну рассказывай, какое дело?

Арап. А много ты воров воспитал?

Лисица. Полсотенки наберётся, думаю...

² Разумеется, эту сцену нужно разработать с участием специалистов – *Прим. М. Г.*

7

Ночь. На улице едет извозчик, в пролётке – Лисица и Арап, на козлах рядом с извозчиком мальчик.

8

На углу улицы стоит извозчик. Идут полицейский и ночной сторож. Извозчик будто бы дремлет.

Полицейский. Чего торчишь тут?

Извозчик. Господина с женщиной привёз, подождать велели.

Стражи идут прочь. Сторож, оглядываясь, что-то шепчет полицейскому.

9

Из ворот дома, куда ушли воры, выбегает, прихрамывая, мальчик, сосёт пальцы, прячется на паперти. Высунулся из-за колонки, прислушивается.

10

Сторож заметил мальчика, остановился с одной стороны

паперти, полицейский прошёл дальше и тоже остановился.

Сторож. Ты чего тут прячешься? Иди сюда!

Мальчуган сорвался с паперти, бежит, сторож не успел схватить его.

Мальчик на бегу пронзительно свистит. Сторож гонится за ним.

11

Цирк. На местах под ложами – Лисица с женой и мальчуганом с вида лет 12. Ложа над ними пустая. Объявляется антракт. Лисица – мальчику:

– Поди, попрактикуйся, Сашок.

12

Сашок практикуется.

Ещё через десять лет

1

По шоссе скачет батарея лёгкой артиллерии, скорым шагом идут отряды солдат, скачут всадники. Проехал генерал в автомобиле. Навстречу по обочинам шоссе тянутся крестьянские телеги и санитарные повозки, везут раненых.

2

Вечерний сумрак. Просёлочной дорогой движется густая толпа людей, нагруженных узлами, едут телеги с домашней утварью, кое-где на телегах женщины с грудными и малолетними детьми. Гонят коров, коз. Сквозь шум и говор толпы слышно отдалённое буханье выстрелов, иногда они сливаются в сплошной гул. Сзади толпы, на горизонте – дым. Толпа, по преимуществу, городская, мелкое мещанство. Небольшими группами идут дети, мальчики и девочки 7–8 лет и старше, до 15. Где можно, сбегают с шоссе в стороны, останавливаются, смотрят вдаль, назад. Отстают и снова догоняют толпу.

Взрослые заняты охраной имущества, ссорами, они ма-

ло обращают внимания на детей, если дети не путаются под ногами у них; в противном случае дают ребятишкам подзатыльники, гонят прочь. Становится всё темнее, толпа исчезает во тьме.

3

Утро. В стороне от дороги под кустами скорчились, спят два мальчика и девочка.

4

Разбитая копна соломы, из неё вылезает мальчуган лет 8, протирает глаза, оглядывается, чешется, стряхивает с себя солому. Испуганно выпрямился, расшвыривает солому руками, кричит:

– Мишка, вставай! Ушли наши-то! Ах, черти. Догонять надо!

5

Из соломы вылезает карапуз лет шести, семи.

– А поесть – чего?

– Догоним – поедим.

Бегут.

6

Устало шагают по тропе среди кустов. Старший тащит маленького за руку, маленький – плачет, просит есть.

7

Один из мальчуганов, которые спали под кустами, стоит, хмуро поглядывая по сторонам. Будит товарища:

– Отстали мы, Егор!

Егор. Это из-за неё. Раскисла! Я тебе, Серёжа, говорил...

Сергей. Ладно, брось! Я влезу на дерево, посмотрю. Может, наши недалеко ушли.

8

Егор разбудил девочку, сердито говорит ей:

– Отстали из-за тебя, Анка. (*Девочка лет 10, бойкая.*)

– Да, как же, из-за меня! Я, что ли, войну-то затеяла?

9

Возвратился Сергей:

– Солдаты везде, там – скот гонят и церковь видно, а даль-

ше пожар, дымище страшный, а – наших не видать. Ещё двое мальчиков идут...

10

Подошли Мишка с братом Яковом.

Сергей. Что – проспали родителей?

Анка. Тоже – родители! Потеряли эдаких маленьких.

Егор. Найдут – пороть будут.

Миша. Есть хочу!

Яков. Подождёшь.

Миша. Домой хочу!

Егор. Ты – что орёшь?

Миша. Есть хочу.

Егор. Ишь ты, какой барин!

Анка утешает, ласкает Мишу, но он отбивается от неё руками и ногами, кричит:

– Домой хочу-у!

11

Подошли двое солдат, один – бородатый, оборванный и грязный, другой – моложе, чище, с забинтованной правой половиной лица, смотрит только левым глазом. Расспрашивает детей.

Миша – заинтересован солдатами, успокоился, щупает приклад винтовки.

Бородатый. Значит, – всё прямо и до самой станции. Там ваши и должны быть. А хлеба у нас нет, солдаты на войне пулями питаются. Прощевайте!

12

Пятеро детей идут полем, целиной. Миша сидит верхом на шее Сергея. Анка держится за руку Якова. Егор шагает сзади всех.

13

Старик-пастух и подпасок лет 12 гонят пяток коров. К ним подходит благообразный мещанин в кафтане, с палкой в руке, спрашивает:

– Не встречал ребятишек, мальчика с девочкой?

Пастух. Сперва я шапку сниму, поздороваюсь с тобой, после – отвечу.

Мещанин. Ну? К чему ты это?

Пастух. Теперь ты предо мной картузик сними.

Мещанин (*снял картуз*). Заносчив ты, старик. Видел, что ли, детей-то?

Пастух. Детей твоих я не видал.

14

Группа солдат. Около них группа детей, к ним присоединился ещё один, мальчик тоже лет 12, красивый, прилично одетый, но костюм его уже измят и грязен. Миша спит, положив голову на колени Анны. Егор несколько в стороне беседует с пожилым солдатом. Яков, Сергей и новенький – Казимир – едят хлеб. Чернобородый солдат, дикого вида, неподвижным взглядом жадных глаз смотрит на Анну. Молодой солдат с мягким добродушным лицом говорит Сергею:

– На станцию – нельзя пустить вас, станция эта погрузит раненых и закроется навсегда. И никаких штатских на ней нет, сироты... Эх, и много же вас наделала война!

15

Вечер. Ребята расположились под стеной обгоревшей избы. Миша спит на кучке соломы. Трое мальчиков и Анна беседуют.

Казимир. Мальчик, который остался у солдат...

Сергей. Егор.

Казимир. У него отец кто?

Яков. Лавочник. А у тебя?

Казимир. Чиновник.

Сергей. Куда же нам теперь идти?

16

Темнеет. Сергей и Яков зажгли костёр. Казимир и Миша спят. Анна, зябко скорчась, смотрит на огонь. Яков подкладывает сучки в костёр. Сергей дремлет. Лошадиный топот. Подскакали трое солдат, спешились, один затаптывает огонь, другие два – бьют ребят, разбрасывая их, как щенков, кричат:

– Вы что тут делаете, сукины дети? Вы кто такие?

Подскакивают ещё двое солдат.

Примечание. Хорошо бы рассеять десятка два октябрат и пионеров по какой-нибудь плоскости и снять их с аэроплана, так чтоб видно было: бредут в разных направлениях дети, вырванные из гнёзд своих войной.

19-21 год

Бог и хлеб

1

Монастырь. Процесс вскрытия мощей. Перед церковью два дерева, на сучьях сидят мальчики, человек пять. Тяжёлую серебряную раку выносят из церкви, ставят перед папертью на землю. За группой людей, которые вынесли раку, следует толпа крестьян и мещан, которые присутствовали в церкви, когда брали раку. На паперти – человек в очках. Он говорит:

– Сейчас, граждане, вы увидите, что скрыто в этом сундуке, во что верили вы, чему поклонялись, откуда ждали чудес! Кто из вас желает открыть сундук?

Толпа молчит, шевелится. Выходит благообразный седовласый старик, в наглухо застёгнутом пальто, молодой монах, послушник, двое рабочих, пожилая женщина и курчавый подросток. Вскрывают раку. Толпа надвигается ближе, но многие поспешно отходят прочь, особенно испуганы старухи, женщины.

Рака вскрыта. В толпе – движение, точно её ветром пошатнуло. Ближайшие заглядывают в раку. Монашек, спрятав голову в плечи, согнувшись, пробивается к паперти, расталкивая людей. Человек в очках громко спрашивает:

– Что же видите вы, граждане?

Рабочий. Тряпки видим. Кости. Вот – череп.

Помахал черепом над головой своей и бросил его в раку. Женщина отходит прочь, вытирая глаза платком.

Старик. Всё верно. Видимость – ясная, граждане.

Голос из толпы. Что верно-то? Душа ушла, а плоть осталась.

Другой голос. А зачем говорили: нетленны мощи, ежели оказывается тлен? Жулики!

Волнуются, кричат – немногие единицы горожан, в огромном большинстве – толпа крестьянская. Равнодушно и не торопясь расходятся, разбиваются на группы.

В группе крестьян ораторствует оборванный мужичок:

– В обмане живём. Сколько денег в это место народ таскал? А – вон оно что! Вместо святости – тряпочки!

Большой бородатый мужик кричит:

– Ну ладно, мощи – нарушили, а бог-от остался али нету?

Голоса: – А на что ему, нищете, бог?

– Они вот, эдакие, милостыню просят Христа ради, а во

Христа не верят.

– Ты веришь! Наел брюхо от колен до уха...

Кто-то ударил мужичка, он упал, кричит.

4

С дерева слезают Сергей и Яков, оба в лохмотьях. Их окружили мальчишки, кричат:

– Братцы, гляди, беспризорники!

– Бей их!

– Бей воришков!

Яков и Сергей бегут, мальчишки гонятся за ними.

5

Маленькая железнодорожная станция. Пришёл поезд, высаживает продотряд рабочих.

6

Отряд рабочих идёт просёлочной дорогой, навстречу – Сергей, Яков. Их останавливают, спрашивают:

– Здешние?

– Нет. Беженцы.

– А куда идёте?

– На станцию. Дайте хлеба, дяденьки!

– Мы сами за хлебом идём.

Поговорив с мальчиками, захватили их с собой.

7

Большое село. Отряд рабочих на площади, перед церковью; одни сидят и лежат на земле; другие, стоя, разговаривают с мужиками; среди мужиков двое в солдатских шинелях. Бородатый мужик, который был на вскрытии мощей, говорит:

– Хлеба у нас нету.

– Вы чего дадите взамен хлеба?

– Во-от! Хлеб даром не даётся!

– Братцы, неправильно! Хлеб – есть!

– Есть? Ну, ты и давай!

– Пусть попробует, даст! Я ему дам по башке колом...

8

Яков и Сергей ходят по селу, просят хлеба, им сердито отказывают. Одна баба дала краюху, – старик из избы кричит:

– Зачем даёшь? Волчата, оборванцы эти с городскими пришли! Гони их прочь, гони!

Мальчики бегут.

Сергей и Яков идут, вдаль видно водокачку станции.

Яков. Ну и жадные мужички-то!

Сергей. Как мощи расковыривали, так они ничего, а хлеба попросили у них, так драться!

9

Станция, но уже другая, побольше. Пришёл поезд, на перроне человек пятьдесят рабочих, это – другой отряд. Рабочий во флотской фуражке, с винтовкой за плечами, говорит начальнику станции:

– Эти три вагона – отцепить, поставить на запасной путь. Мы оставим охрану, четверых хватит?

– Как хотите.

– Тебя спрашивают! Спокойно здесь?

– Теперь – везде беспокойно.

10

Трое рабочих ведут Сергея и Якова.

– Вот, товарищ Михайлов, послушай, что парнишки рассказывают.

11

Маленький городок. Украшена трёхцветными флагами площадь. Перед церковью толпа горожан. К ограде привязаны кони, около них сидит, покуривая, казак с погонями на плечах, другой лежит на земле, спит. Среди горожан ещё человек пять казаков. Офицер беседует с дамами. С паперти старичок гонит палкой Сергея, Якова. Из церкви выносят иконы, хоругви, выходят попы. Из улицы на площадь появляется ещё процессия с иконами и хоругвями.

12

Удар колокола.

Крики: – Идут!

Процессия выстраивается. Впереди попы в ризах, усатый человек с блюдом, на блюде хлеб-соль. По бокам его – две девицы с букетами цветов. На площадь выезжает конный отряд, впереди его – два офицера. Попы, певчие и горожане поют:

– «Спаси, господи, люди твоя... победы православному русскому воинству...»

13

Чистенько одетый горожанин кричит:

– Стой! Держи его! Держите воришку.

Схватили мальчика, – кто-то кричит:

– Позвольте, так нельзя! Это – самосуд.

На группу людей, которая окружила Казимира, наехали конники белого отряда, люди разбежались. Казимир ползёт прочь из-под ног лошадей. Его бьют пинками.

14

Усатый человек, передавая офицеру блюдо с хлебом-со-
лью:

– Итак – ещё раз: добро пожаловать. Ура!

Обыватели режут – ура! Девушки суют цветы толстому офи-
церу в очках, он смеётся и спрашивает:

– Почему так много красных цветов? Вы поклонницы
красных, а?

– Ах, что вы!

– Просто – у нас мало цветов!

Офицер. А большевиков – много?

Усатый человек. Стыдно сказать, а есть они, есть!

Офицер. Ну, мы сделаем так, что их не будет.

15

Яков разговаривает с казаком:

– Ой-ёй, сколько вас приехало! Сосчитать нельзя!

Казак. И – не пробуй, уши оборвут, если считать будешь.

Яков. Да – мне зачем? Я и так вижу – сто.

Казак. Ну и дурак!

Яков. Значит – больше. А это – пушечки?

Казак. Пулемёты. Однако – пошёл прочь!

16

Огород, примыкающий к ограде кладбища. Сергей помогает двум солдатам собирать огурцы, их складывают в мешок, который держит парнишка лет 15, Пётр.

Сергей. Очень храбрые вы, мало вас, а целый город сразу завоевали...

Солдат. Нас, браток, не мало.

Сергей. Ещё придут?

Солдат. Придут, не бойся!

Сергей. Скоро?

Другой солдат. Это тебя не касается. Ты – делай, что делаешь.

Солдат. Нет, его – касается, он здешний.

Пётр. Вовсе он не здешний, а беспризорник.

Сергей. Врёшь. Я – со станции.

Солдат берёт мешок из рук Петра и уходит со своим товарищем.

Пётр, оглядываясь на Сергея, провожает их. Сергей отходит к ограде кладбища, делая вид, что хочет помочиться, но, когда солдаты ушли, быстро перелезает через ограду. Пётр видит это.

17

Кладбище. Между могил бежит Яков. Сергей – выходит из-за памятника.

– Ну, сосчитал?

Яков. Пятьдесят четыре, а пулемётов – три.

Сергей. Я тоже сосчитал: восемьдесят семь человек. Их ночью побили красные. Бежим скорей. По одиночке надо...

Яков. Погоди! Помнишь Казимира? Его избили, он в карман залез.

Сергей. Чёрт... иди!

Яков быстро уходит.

18

Пётр (*подходит*). Вы зачем солдат считали?

Сергей. А тебе что?

Пётр. Я знаю – зачем!

Сергей. Пошёл прочь.

Пётр. Вас красные подослали.

Сергей. Ах ты, сволочь.

Бросился на Петра, тот бежит. Сергей кинул куском кирпича вслед ему и тоже бежит в противоположную сторону.

19

Скачут три казака. Вдали, направляясь к лесу, – Сергей. Оглянулся и, увидав солдат, бросился в лес.

20

Солдаты у опушки леса. Один из них говорит:
– Чёрт его поймает в лесу-то.

21

Идёт Яков, на ходу ест хлеб. Его догоняет Пётр. Догнал, схватил за волосы.

– Куда топаешь, а?

– Пусти!

– Зачем солдат считал?

– Просто – так! Пусти...

Пробует вырваться. Пётр повалил его, сел верхом на грудь.

– Шпионишь, сука? Я те дам... Хошь – в город отведу, белым отдам? Выпорют тебя и повесят.

Яков плачет.

22

Пётр и Яков идут рядом.

Пётр. Красные, белые, это мне – наплевать! Я – сам по себе живу. Не хнычь. Подручным моим будешь, не пропадёшь.

Яков. Сергея жалко.

Пётр. Его уж повесили. Чёрт с ним. Таких – много.

23

Город. Маленькая площадь. Ларьки, на них торгуют разной мелочью и съестным: колбасами, булками. Много белых солдат, казаков – есть пьяные. Проходит под конвоем группа евреев, почти все – старики. Солдаты и обыватели свистят, ругаются. На углу улицы, на тумбе, сидит старая еврейка, у ног её – корзина с булками, она смотрит вслед арестованному, шепчет, шевелятся губы. Из-за угла выходит Яков, Пётр, хватают булки, бегут. Еврейка вскочила:

– Ой-ой!

Полупьяные обыватели хохочут, кричат.

– Беги, беги, парнишки. Прозевала товар, чертовка.

24

Пётр и Яков на окраине города, сидят на земле, под забором, едят булки.

Пётр (*учит*). У жидов можно всё воровать, для них – законов нет. Украдёшь – люди над ними же смеяться будут.

Яков. Нехорошо это. Воровать, так у всех.

Пётр. Болтай чепуху! За всех полиция вступится, башку тебе свернут.

Голодный год

1

Поздний вечер. Сумрак, на станции уже горят фонари. На перроне – Яков. Подходит поезд смешанный, пассажирские и товарные вагоны. С тормозной площадки вагона соскочили двое маленьких оборванцев. Яков присмотрелся к одному из них и кричит:

– Сергей!

Разговаривают. Сергей и его товарищ делятся хлебом. Затем все, когда поезд отправился, залезают на площадку.

2

Окраина провинциального приволжского города. Старое, казарменного типа, здание – приют для голодающих детей.

Служебная комната. За столом сидит лысый человек, курит и пишет. Входит женщина.

– Привезли ещё партию крестьянских детей, сорок три.

– Вы знаете – нам некуда поместить их.

– За вчерашний день и сегодня убежало двадцать шесть человек.

– У нас нет возможности удержать бегущих. Устраивайте новых, как-нибудь. Всё равно – разбегутся.

3

Двор приюта. Несколько десятков вялых детей. Человек пятнадцать нехотя собирают различный мусор, носят его в корзинах куда-то. Большинство сидит и лежит у стен дома. Подчеркнуть слабость и вялость детей.

4

Детдом. Учебная комната. На партах человек тридцать мальчиков и девочек. Учительница рассказывает им что-то. Слушают человек пять, семь, остальные возятся, шалят. Учительница кричит:

– Дети – тише. Если вы хотите учиться...

Крики: – Не хотим. Скушно.

5

В окне разбито стекло, на пол падает камень. Дети вскакивают, бросаются к окну, кричат:

– Дерутся!

Большинство выбегает из комнаты.

6

Двор. Бешеная свалка. Пользуясь тем, что она привлекает общее внимание, трое ребятешек кидают камнями в стёкла окон. По двору мечется, разнимая драчунов, молодая девушка, её хватают за юбку, бросаются под ноги ей. Количество дерущихся увеличивается. Из дверей, из окон нижнего этажа выбегают, выпрыгивают новые бойцы. Свист, крик.

7

Пожилая женщина, стоя в окне, звонит в колокольчик. Человек в тёплом пальто и валенках, подходя к ней, говорит сердито:

- Их надо водой разливать из пожарной кишки.
- Может, утопить? Да?
- И это неплохо! Куда их, к чёрту, эдаких?

8

Усилиями человека в пальто, хромого в солдатской фуражке и трёх женщин дети согнаны в угол двора, стоят, сидят, лежат, точно позируя фотографу. Кое-кто в стороне плачет. Все устали от возни и возбуждения. Пожилая женщина

говорит:

– Дети. Нельзя так буйно вести себя...

Голоса: – Нам скучно. Я не хочу учиться.

– Отпустите меня, а то я всегда буду озорничать.

– И я.

– И мы.

– Я тоже...

9

В калитку ворот входит милиционер, подошёл к женщине,
говорит:

– Примите детей...

– Ещё! Сколько?

– Двадцать семь. Деревенские. На вокзале собраны.

– Но у меня переполнено.

– Дело не моё...

10

Во двор один за другим входят ребяташки от 7 до 13 лет. Старожилы – в большинстве – вскакивают, окружают их, разглядывают, толкают:

– Эх, какие морёные тараканы!

11

На дворе несколько групп. В центре каждой – новички, рассказывают о голоде в деревнях Поволжья. Вместе со старожилками их рассказы слушают и девицы, служащие детдома.

12

Николка Язев, парнишка лет 13, ходит от группы к группе, спрашивает новичков:

– Куращих – нет? Эх вы, лапти...

13

Язев, насвистывая, подошёл к воротам, за ним следят, медленно с разных сторон приближаясь к нему, ещё два мальчика.

14

Язев и два его товарища идут по улице. Навстречу им – старуха с узелком под мышкой. Язев говорит товарищам:

– Повёртывай в проулок.

Они быстро идут вперёд, а Язев разминулся со старухой, оборотился, вырвал узелок из-под мышки её и бежит.

15

Старуха – кричит:

– Батюшки, проклятые...

Пустырь. Посредине его – полуразрушенная печь, торчит труба, вокруг разбросаны кирпичи, за печкой – остатки полюбгоревшей стены дома, в ней зияют двери и два окна. За стеной сидит группа беспризорных, перед ними бочонок солёных огурцов, валяется бутылка из-под водки, другая ещё не начата, стоит на кирпиче. Парень лет 16–17 – Казимир – держит в руке новенькую эмалированную кружку и говорит, трое ребят жуют хлеб, едят огурцы. Узбек задумчиво курит папиросу.

Казимир. Лучше быть вором, а не нищим. Мы ведь не старики, чтобы милостыню просить. Верно?

Узбек. Это – верно. Очень.

Казимир. То-то!

Узбек. Просить – стыдно. Воровать не стыдно.

Казимир. Во-от!

Беспризорные

1

Улица в Москве. Рядом с тротуаром три котла. При свете фонаря видно, как в котлах укладываются спать ребята. На мостовой у котлов разложен костёр, около него сидят ребята повзрослее.

(Показать отдельные типы крупным планом.) Язев в изломанной шляпе-котелке, женской ватной кофте. Поп – неуклюжий увалень, брови нахмурены, грязное лицо – угрюмо.

2

Беседа у костра

Поп. Схватил он меня, трясёт: «Ты воровать?» Я говорю: «Так я ж голодный, что мне делать?» А он сильно выпимши, качается; притиснул меня к стене. «Верно, говорит, с голода и мышь ворует. Сейчас, говорит, я тебе дам на хлеб». Он выпустил меня, сунул руку в карман, а я – лататы.

Один из мальчиков:

– Дурак ты всё-таки, от денег убежал.

Поп. Плевать мне на его копейку.

Язев, слушая, тихонько насвистывает.

3

Изредка проходят обыватели, некоторые, приостановись, сердито поглядывают на беспризорных.

4

Быстро подходит паренёк, одетый сравнительно приличнее, – в нём можно узнать Петра, – зовёт:

– Поп!

Шепчется с Попом.

Поп. Ещё одного надо. Тут – есть из детдома, новичок.

Пётр. Зови.

5

Поп, Язев и Пётр на углу улицы у лесов какой-то построй-ки. На мостках лежит полупьяный. Пётр присел рядом с ним, обшаривает карман. Пьяный шевелится, бормочет. Пётр сорвал с него фуражку, отскочил. Пьяный рычит, стараясь под-

няться. Поп бросил в лицо его горсть пыли. Все трое бегут в разные стороны.

6

Другая улица. Котёл. В нём укладывается спать Лёнька, мальчик лет 10, расстилает газетную бумагу, расправляет газету на груди, как бы надевая жилет. Тут же на куче песка группа ребят играет в карты. Возле них на корточках у костра сидит мальчик лет 12, лицо его, освещённое костром, устремлено вдаль, и слышно тихий напев восточного мотива. Костёр горит плохо. Один из играющих командует:

– Эй, Узбек, огня побольше – не видно ничего.

Узбек увлечён песней и думами своими, не шевелится. Один из картёжников встал, толкнул его в плечо ногой, опрокинул. Узбек вскочил, ударил его.

– Эге, драться. Ты – драться.

Узбек готов к обороне, но картёжники кричат:

– Огня, черти.

7

На панели стоит прилично одетый человек лет за сорок. Это – Лисица. Присматривается к мальчикам.

8

Узбек и ещё двое подкладывают дрова в костёр, огня ещё меньше. Один из картёжников срывает с Лёньки и из-под него газетную бумагу. Лёнька обозлён, отбивается руками и ногами. Крики, гвалт.

9

Лёньку вышвырнули из котла. Ругаясь, он идёт прочь. Наткнулся на Лисицу, тот взял его за плечо.

Лисица. Ну что, оголец. Обидели тебя. Идём-ко со мной. Ловко ты дрался с ними.

Лёнька (*упирается*). Не хочу! Пусти, больно.

Лисица. А ты – иди.

Лёнька. В милицию ведёшь, а после – в детдом? Всё равно убегу.

Лисица. Правильно. Ну, ну – иди. А то – тресну по башке...

10

Утро. Рынок. Сухонький старичок раскладывает колбасы на лотке, рядом с ним ларёк; толстая женщина и курчавый,

сонный мальчик, вынимают из корзины булки, уронил одну, получил подзатыльник.

Женщина. Жизнь-то какая ожесточённая, Василий Степанович, вчерась в трамвае беспризорников поймали: один, знаете, поёт, а другой, в ту же минуту, по карманам шарил. Так, знаете, начали их бить (*дёргает мальчика за вихор*).

Старичок. И певца?

Женщина. И его. (*Мальчику.*) Косой чёрт.

Старичок. Так и надо. Развелась – что армия... Хуже клопов.

Женщина. Ожесточённая жизнь.

11

За углом – беспризорные, человек девять. Среди них – Пётр, Язев.

Пётр (*осматривая свой отряд*). Маловато нас. Ну – ладно. Значит: берём на шарап и булки и колбасу. Хватай и сыпь кто куда.

Лёнька. Знаем.

Язев. Ну – раз... два...

12

Стремительно бегут мимо колбасника и булочника, хва-

тают товар, разбегаются в разные стороны. Старик и женщина топают ногами, кричат, мальчик смотрит на исчезающих беспризорников с улыбкой восхищения.

13

Мясницкая или другая бойкая улица. Мальчуган беспризорник пристаёт к прохожим:

– Дай копейку. Гражданка – давай копейку. Эй, сытая, давай, а то вошами осыплю.

За ним наблюдают издали двое беспризорных старше его.

14

Прилично одетая женщина на углу проулка, уступая назойливости маленького беспризорника, вынула из сумочки кошелёк, достаёт деньги. Один из беспризорных вырвал кошелёк. Маленький бежит за угол. Его товарищи скрылись в толпе.

15

Берег Москвы-реки. Группа беспризорников. К ним осторожно подходит курчавый мальчик булочницы. Ребята будто бы не замечают его, но двое исподлобья следят за ним. Один

встал, пошёл навстречу.

– Ты, пацан, чего тут трёшься, а?

16

Курчавый мальчик в кругу беспризорников, говорит:

– Я хочу с вами жить. Тётка дерётся, я вот украл у неё червонец и убежал.

Один из ребят ударил его ладонью по макушке:

– Значит – к нам захотел. Ну – снимай сапоги.

17

«Гоп-скок». Лунная ночь на одной из Садовых. Четверо беспризорных. Один прикрепляет проволоку к трамвайному столбу, двое других натягивают её поперёк панели, на высоте полуаршина над землёй. Поп – курит, командует:

– Ту же натягивайте.

– Готово.

Спрятались в тень.

18

Идёт человек, запнулся за проволоку, упал. На него бросаются беспризорные. Поп бьёт его по темени, остальные сди-

рают пальто, пиджак, сняли ботинки, брюки – скрылись. Человек, полежав, приподнимает голову, осторожно садится, затем вскочил на ноги, бежит и орёт:

– Милиция... караул... граждане...

19

«Так уходят часы». Рынок. Человек продаёт часы. За ним наблюдают Казимир и Сергей. К нему подошёл прилично одетый парень.

– Ходят?

– Отлично ходят.

– Не врёшь?

– Гляди.

Парень берёт часы, прикладывает их к своему уху, другой парень, стоя сзади его, вынимает часы из его руки, быстро передаёт их Казимиру. Первый парень ковыряет пальцем в ухе. Продавец ошарашенно смотрит на руку его и кричит:

– А часы где?

– Какие?

– Стой!

– Да я же не бегу!

– Ты их за ворот опустил! Граждане, держите...

– А зачем держать меня?

– Он часы украл.

– Я? С ума сошёл человек!

– Обыщите... Обыскать.

– Пож-жалуйста.

Добровольцы обыскивают парня, он посмеивается.

– Вот на сумасшедшего наскочил! Часы у него пропали.

– А были часы?

20

«Как покупают яйца». На Малой Никитской у паперти закрытой церкви сидит женщина, перед нею – корзина яиц. К ней подходит девушка, за углом ограды Поп и Узбек. Девушка отбирает яйца, рассматривая их на свет, отобранные кладёт в пригоршни торговки.

Торговка. Ты скорее. Чего роешься.

Девушка. Тухлых мне не нужно...

Из-за угла выбежал Узбек, схватил корзину и снова скрылся за углом. Торговка, держа яйца в руках, вытянув их, кричит. Девушка быстро уходит.

21

Сергей и Лёнька около памятника Гоголя прячут в мешок маленькую собаку.

Рынок. Мужик держит под мышкой поросёнка, другой – в мешке у его ног. Поросёнка покупают двое: толстая женщина и человек в фуражке инженера. Лёнька заходит сзади продавца и колет поросёнка гвоздём. Толкает мужика, животное дёргается, визжит, продавец оглянулся. Сергей деловито взял его мешок, положил свой – исчез. Покупатель, указывая на мешок:

– А тот – крупнее?

– Этот потяжельше.

– Ну-ка покажи...

Мужик вытряхивает из мешка собаку – хохот. Мужик ошарашенно смотрит вслед собаке, встряхивает мешок, кричит:

– Ба-атюшки. Сукины дети... И мешок не мой...

Учителя

1

Квартира Лисицы. За столом, у самовара: Лисица, его жена, Козел – вор-профессионал лет 50, сухощавый, с бородачкой.

Козел. Значит, шлёпнули Арапа.

Лисица. Шлёпнули. Пошёл по мокрому, ну и поскользнулся.

Козел. Дурак.

Лисица. Верно. Теперь распрекрасно можно работать с огольцами, с беспризорными, их – сотни.

Козел. Учить их трудно.

Лисица. Помучишь, так научишь.

2

Шалман. Это должны изображать сами ребята. Пение, пляски, девицы, вино.

3

Подвал. Молодой вор обучает мальчиков карманным кражам.

Среди мальчиков – Пётр, Язев, Казимир, две девочки. Лисица и Козел наблюдают за обучением, изучают мальчишек.

Козел (*Лисице*). Вон из того, тоненького, форточник хороший будет.

4

Ночь. Воры «берут магазин на вывоз». Среди них – Сергей, Пётр.

5

«Засыпались».

6

Камера несовершеннолетних в Бутырской тюрьме. Ребята поют:

Сижу я, целый день страдаю.

В углу Сергей, Яков и ещё один.

Яков (*Сергею*). Вот где встретились!

Начало конца беспризорщины

«ВСЕ НА ПОМОЩЬ ДЕТЯМ

Обращение комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей

Ко всем трудящимся СССР, Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодёжи, Межрабпому

Товарищи!

Наша молодая рабочая республика вышла победительницей из ожесточённой кровавой борьбы с её заклятыми врагами – внутренней и внешней контрреволюцией. С новой силой, неизвестной умирающему буржуазному миру, забился пульс рабочей общественной жизни, застучали станки, зашумели машины, спокойнее и свободнее заходил плуг, взрывая тучную землю.

Но эта великая победа трудящихся досталась не даром. В результате титанической борьбы на организме страны остались глубокие раны, для окончательного излечения которых ещё долгое время будут требоваться громадные усилия со стороны рабочих и крестьян Советской России. Одной из этих ран является далеко ещё не полная обеспеченность детского населения страны.

На долю первой в мире республики труда досталось тяжёлое наследие царского строя; войны и голод усилили его, и в результате их, несмотря на героические усилия, проявленные советской властью в деле обеспечения всеми необходимыми материальными благами, в деле воспитания и охраны жизни и здоровья, всё же на территории Союза социалистических республик осталось ещё громадное число детей-сирот, не имеющих ни крова, ни призора. Несколько миллионов детей-сирот требуют немедленной реальной помощи.

Детская беспризорность, часто выявляющаяся в самых уродливых, ужасающих формах, как детская преступность, проституция, угрожает подрастающему поколению самыми тяжёлыми последствиями и заставляет бить тревогу.

Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей, для открытия же новых не хватает средств.

Более того: и существующие учреждения, дающие приют более чем миллиону детей-сирот, недостаточно обеспечены самым необходимым, как диетпитание, бельё, обувь, оборудование и т. п.

Кроме указанного кадра беспризорных детей, имеется ещё большой контингент нуждающихся в помощи детей, имеющих родителей или родственников, но хозяйственная мощь которых разрушена войной и голодом (инвалиды, беженцы войны и голода, безработные); им также нужна скорая действительная

помощь.

Кроме того, всем детям вообще нужна организованная медицинская помощь. Различные эпидемические заболевания косят детей. Как и до войны, так, к нашему глубокому сожалению, и теперь ещё детская смертность чрезвычайно, а местами угрожающе велика. На эту опасность для детей нельзя закрывать глаза, необходимо теперь же, немедленно, пока ещё не поздно, общими усилиями устранить её.

Учитывая это тяжёлое положение громадного числа детей и все грозные последствия его, деткомиссия ВЦИК, организуя совместно с НКПросом и НКЗдравом, при деятельном участии партийных и профессиональных организаций, с 30 апреля по 6 мая с.г. «Неделю беспризорного и больного ребёнка», обращается ко всем рабочим и крестьянам и всем трудящимся Советской республики с горячим призывом придти во время её на помощь детям.

Не стесняйтесь ни формой, ни размерами вашей помощи. Помните, что только общими объединёнными усилиями широких рабоче-крестьянских масс мы можем выйти с честью из борьбы на этом тяжёлом фронте детской беспризорности.

Одновременно с этим деткомиссия ВЦИК обращается с просьбой к Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодёжи и Межрабпому взять на себя задачу информировать наших товарищей рабочих и крестьян за границей о целях и задачах настоящей кампании и привлечь их к участию.

Деткомиссия надеется, что трудящиеся за границей откликнутся на её призыв своею материально-финансовой помощью и помогут ей в борьбе с детской беспризорностью в России.

Деткомиссия обращается также ко всем заграничным организациям помощи голодающим в России с просьбой усилить до возможных пределов свою работу в части помощи детям.

Все на помощь детям!

Председатель комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей Ф. Дзержинский».

Эстрада, на ней – лицом к публике – кинооператор.

– Итак, товарищи: беспризорников создали семь лет войны, четыре года империалистической и три года борьбы рабочих и крестьян за власть, борьбы против русской буржуазии, которую вооружал против нас европейский капитал.

Количество беспризорных увеличил поволжский голод. У нас, товарищи, образовалась огромная армия бездомных и – в большинстве безграмотных – детей-подростков.

За счёт сил этой армии живёт и развивается преступный мир, развращая ребятишек, превращая их в социально опасных. На борьбу с беспризорностью мы тратили десятки миллионов, но это не даёт должных результатов. Мы должны принять другие меры борьбы с этой социальной болезнью, и сегодня мы начнём борьбу. *(Пауза.)* Предлагаю вам, товарищи, помнить, что беспризорные дети, каковы бы они ни были, – всё-таки ещё дети.

В огромном большинстве они – сироты рабочих и крестьян. Это маленькие пролетарии, но анархисты. Наверное, вы встретите жестокое сопротивление с их стороны. Вы обязаны встретить это сопротивление сдержанно и терпимо. Каждый из вас, кто проявит грубость, а тем более жестокость в отношении к беспризорным, – будет строго наказан. Я – кончил. За дело, товарищи.

Дело одной ночи

1

К полуразрушенному дому подъехал автомобиль, агенты угрозыска и чекисты будят беспризорных, выводят их на улицу, беспризорные энергично сопротивляются. Лёнька вырвался, бежит прочь. Чекист вслед ему:

– Эй, зря бежишь, всё равно поймаем.

Другой чекист:

– Вон ещё под воротами двое.

Из-под ворот выбегают трое, одного чекист поймал, другой – бежит, третий успел перепрыгнуть через забор.

2

Глухой переулок. Два грузовика. Чекисты выгоняют из ворот «хазовки» беспризорных. Один авто уже нагружен и охраняется милицией, беспризорные орут, бьют друг друга, некоторые из них плюют на милиционеров, бросают в них шапками, опорками, пытаются сорвать фуражки с чекистов. Визг, свист, ругань.

Чекист. Вам бы, обезьяны, с буржуями сражаться, а не с

нами...

В числе захваченных прилично одетый Язев и Поп. Они стоят рядом и оживлённо перешёптываются. Перед ними картина боевой схватки. Чекисты и милиционеры едва справляются с мальчишками.

3

Вагонный двор. Милиционеры и чекисты осматривают пустые вагоны, извлекают из них сонных ребят. В стороне, под конвоем, стоят и сидят человек десять мальчишек. Один просит у милиционера:

– Дай папиросу.

– Не курю.

– Я тебя не спрашиваю: куришь – не куришь, я говорю: папиросу дай, чёрт.

Другой чекист. Хочешь, по затылку дам.

Беспризорный. Драться не смеешь.

Чекист. Верно, пацан! Ну, получи папиросу...

Двое беспризорных вскочили и бегут в разные стороны. Товарищи свистят и кричат вслед им.

Беспризорный. То-то, мы свои права знаем!

Чекисты, милиционеры смеются.

4

Светаёт. Трое чекистов ведут группу малышей, человек 20.

Из-за угла выбежал Лёнька, за ним, должно быть, кто-то гнался. Лёнька, подбегая к чекисту:

– Берите и меня.

Чекист. Шагай, сявка.

Лёнька. Я не сявка.

Чекист. Ну, урка.

Лёнька. И не урка.

Чекист. Значит – туз.

Лёнька. Дурак. Что ты, не видишь, что я маленький.

Чекист. Тузы-то старики – говоришь – а как их зовут?

Лёнька. Так я тебе и скажу, ишь ты.

5

Воинская площадка вокзала. У площадки вагоны 3 класса.

Подъезжают машины, разгружая беспризорных. Мальчишки проходят в ворота, между шеренгами беспризорных. Чекисты и милиционеры обыскивают их, отбирают ножи, ремни, деньги, монету бросают в какой-то чемодан, бумаж-

ные деньги – рвут в мелкие клочья, – это очень удивляет ребятешек. Мальчик кричит из окна вагона:

– Зачем червяки рвёте?

Чекист. А чтобы вам видно было: не берём себе.

Беспризорный. Ну и – дурачьё.

6

Внутри вагона. Тесно. Толкотня, борьба, крики.

– Поехали-и!

– Братук! Куда нас везут?

– В болото.

– Топить, как щенят...

– Эхма!

– Ребята – смирно! Слушай команду... Раз... два-три! Де-лай тарарам!

Выбивают стёкла из окон, орут, пытаются ломать скамьи, полки, адский шум, которому чекисты и милиция не мешают.

7

Внутри другого вагона. Здесь ребята постарше, настроение серьёзное. Одна из групп слушает объяснение Язева:

– Едем, конечно, в Соловки.

– Хитро сделано!

– Сразу всех забарабили.

– Всех – не всех, а тысяч пять загребли...

В дверях – чекист:

– Ребята – слушай – сейчас поезд остановится, будет прицеплен вагон с продовольствием и одеждой. Сорганизуйтесь так, чтобы всё распределить в порядке, без драк – ладно?

Молчание. Ребята недоверчиво рассматривают чекиста, удивлённо, испуганно перешёптываются. Кто-то громко говорит:

– Значит – верно: в Соловки! И-эх-х, мать...

8

Третий вагон. Здесь среди ребят – Лёнька, Язев, Поп, Узбек. Поезд стоит.

Поп. У меня червяк в затырке был.

Вынимает изо рта червонец, один из мальчиков согнулся, подставил спину, червонец разглаживают на его спине.

Язев. Водочки бы купить, а?

Голоса: – Верно! Дело! Хорошо бы погорчиться!

– А как отсюда вылезешь? Двери заперты, под окошками – менты.

Узбек. Пол надобно ломать! Ну? Начинай!

Язев. Правильно! Делай!

Голоса: – Не шуми слишком. А кого пошлём?

– Лёньку. Лёнька – идёшь?

Лёнька. Обязательно!

9

Из-под вагона вылезает Лёнька, бежит по железнодорожным путям. Стоит на углу улицы, под фонарём, рассматривая червонец. Нерешительно оглядывается. Раздумывает: вернуться к товарищам, в вагон, или не стоит? Вернуться – наверняка отправят в какой-нибудь детдом. А может быть, и в тюрьму. Убежать с червонцем – нехорошо пред товарищами. Вероятно, убежит ещё кто-нибудь, станет известно, что он украл у «своих» – изобьют. Да и стыдно у своих воровать. Решил. Бежит по улице.

10

Лёнька в «хазе». Какая-то баба подвязывает к его лохмам бутылки за горлышки.

Лисица. Гляди не разбей.

Лёнька. Знаю!

Лисица (бабе). Лишили нас помощников, дьяволы.

11

Вагон. Поезд в пути.

Узбек (*рассказывает*). Он мне сказал: «Приедем – дадут всем кило хлеба, фунт колбасы, одёжу выдадут, мыть будут».

Голоса: – А ты верь, дурак! Ему чаю с вареньем обещали. Пирожных...

Лёнька (*вытвивши*). Дадут всем кашки из поганой чашки, пожрём, охнем, да и – подохнем! Эх – ребята! Не верь милиции, держи свои позиции! Споёмте – что ли?

12

Вид Звенигорода.

13

Звенигородский монастырь.

14

Вокзал Звенигорода. Перрон. Чекисты и местная милиция ждут поезда.

Старший чекист. С этим поездом прибудет пятьсот, сразу направить в монастырь. Следить, чтобы не разбежались.

Голоса: – Пятьсо-от. Держись, город Звенигород.

– Да-а, зададут встряску здешним жителям. Разграбят городишко.

Старший чекист. Решительно воспрещается применение каких-либо физических мер воздействия – поняли? Не бить, не толкать, не орать! Сразу, по разгрузке вагонов, давать каждому хлеб и колбасу. Авось – не побегут, если едой займутся.

15

Эшелон беспризорных идёт улицей города. Все жуют. Из ворот, из окон неодобрительно смотрят обыватели. Некоторые выражают сочувствие и сожаление:

– Эх, бедняжки! Куда это вас ведут?

– Господи, грязные какие.

Беспризорные отвечают сочувствующим руганью, свистом, показывают языки, кулаки. Вслед им обыватели говорят:

– Жульё всё! Это на горе наше привезли их.

– Заставят нас кормить ораву такую... А ведь!

– Пожалуй, и заставят. Да и обуть, одеть тоже нам велят...

Эх, жизнь...

16

Двор монастыря. Беспризорники ошеломлённо разбились по группам, хмуро озираются, перешёптываются, в общем ведут себя тихо. Их раздевают и лохмотья бросают в костёр среди двора. Восемь парикмахеров стригут их. После стрижки голых ведут в баню.

17

Баня. Ребят – моют. Охотно моются единицы, в их числе – Узбек, Лёнька, – большинство сопротивляется, хулиганит, плещет друг на друга водой из шаек. Дикий визг, шум, брань, попытки петь.

18

Ребята выходят из бани на двор, одетые в однообразные костюмы и шапочки. Вид у большинства ошарашенный.

Голоса: – К чему это готовят нас? Во святые, что ли? В монахи постригли. Чёрт их знает чего они выдумали.

Лёнька. Братишки! Знай своё дело: ни в чём не уступайте. Нас хотят в миленькие перекрестить.

Старший чекист. Ребята! Рассчитывайтесь по десяткам

и выберите десятников.

Голоса: – Это можно! В этом плохого не видно. Увидишь, погоди.

19

Заметно выделяются группы ребят, которые довольны тем, что вымылись, одеты в чистое. Доволен Узбек, он смотрит в кадку с водой, любит свое отражение, хохочет, рядом с ним – Язев и Куманёк – парень лет 15.

Язев. Чего же это будет?

Куманёк. Увидим.

Узбек. Хорошо будет.

Язев. Тебе, Узбек, немного надо...

Узбек. Мне? Мне всё надо.

Язев. Тебе дать кусок, ты и не лаешь.

Узбек. Врёшь.

20

Васька Кабан, тупорылый, низкорослый парень, лет 20, ухмыляясь, агитирует в группе ребят. Их человек двадцать.

– Ну вот, пацаны, значит – прокатились мы на дураках, в бане помылись, пожрали, чуть-чуть оделись. Чего надо делать? Ну, надо, значит, бежать – кто куда! Прямо – сади всей

массой! Всех не переловят, а если и поймают которых – ноги не оторвут, опять можно бежать. У них нет такой силы, чтобы сладить с нами. Верно?

Голоса: – Верно... Когда бежать? Надо сговориться, чтобы – сразу всем.

21

Старший чекист (*кричит*). Эй, братишки, обедать! С криком, свистом – толпа бежит.

22

Лёнька – десятник. Намеренно неправильно режет пшеничный хлеб, неровными порциями. Куски прячет за пазуху. Бросает их через головы ребят, вызывая этим протесты.

Лёнька (*орёт*). Вы что здесь – у родной бабушки? Жри, что дают, пока по мордам не дали. Наелся – уходи...

23

Чекист докладывает старшему:

– Там Лёнька хулиганит...

Старший чекист. Дан приказ в еде не отказывать – никаких конфликтов! Подайте хлеба дополнительно. Они хо-

тят разыграть нас на хлебе.

24

Чекист, Узбек и Куманёк несут хлеб. Лёнька, поняв, что его затея сорвана, бросает нож, идёт прочь с куском хлеба в руках. Кричит:

– Глядите, Узбек с Куманьком в лакеи нанялись...

25

За углом церкви Кабан, Лёнька, Язев и ещё человека три. **Лёнька** (*угрюмо говорит*). Сегодня ничего не будет. Все сытые, разморило всех... Да и охраны за стенами много...

Язев. Это верно. Обмякли все.

Кабан. Н-да... значит – надобно солить им, ментам, всякую, кто что придумает, чтоб им невтерпёж солоно пришлось.

Лёнька. Чтоб не мы от них, а они от нас бежали!

26

Лунная ночь. Трапезная монастыря превращена в спальню, тесно набита беспризорными. Кое-где ребяташки спят. В углу группа слушает, что рассказывает Куманёк.

– А этот, Мартынов, который застрелил Лермонтова, по-

хоронен здесь...

Голоса: – Сукин сын, выкинуть его из могилы!

– Да это – давно было, от него и костей не осталось.

27

В другом углу фабрикуют карты из страниц евангелия. Один мальчик аккуратно режет их, другой – растирает кирпич в порошок – готовит красную краску, третий – размешивает сажу в коробке из-под ваксы, четвёртый – готовит трафареты для печатания карт. У двери стоят на стрёме двое мальчиков.

Голоса: – Эх, покурить бы.

– Водочки бы хлебнуть кусочек!

28

Идёт игра на одежду. Выигрывает Кабан. Около него лежит несколько гимнастёрки, ботинки, брюки. Человек пять уже проигрались, раздеты, с угрюмой завистью смотрят на играющих.

Стрёма (*кричит*). Зекс!

Суматоха. Выигрыш покрывается телами играющих, карты исчезают.

Ребята дружно начинают петь:

В воскресенье мать-старушка...

Стрёма делает успокоительные знаки. Игра продолжается.

29

Утро. Две деревенские бабы привезли на монастырский двор солому и дрова. Кабан отводит одну из них за угол, показывает гимнастёрки, ботинки.

Баба. Сколько просишь?

Кабан. Пять бутылок водки.

Баба. Да ты с ума сошёл! За этакое! Пять?

Кабан. А сколько!

Баба. Две.

Кабан. Ты, тётка, не шути, а то я тебя по башке кокну. Видишь, сколько нас тут? Мы, гляди, неласковые. Мы те избу подпалить можем и вообще... Ну?

Баба. Не стращай. Три – принесу.

Кабан (*толкнув её*). Пять, поняла?

30

В зарослях монастырского сада – человек двадцать. Выпили. Кабан ораторствует:

– Ограды, решётки на кладбище вокруг могил – ломайте, вооружимся и прямо, напролом...

Язев. Я порох умею делать.

– А стрелять из чего?

Лёнька. Он не врёт! Он – может!

Начали работать

С этого места необходимо очень наглядно и даже резко провести линию разрыва между беспризорными. Наиболее взрослые и анархизированные организуются под водительством Кабана и Язева в целях побега и вооружаются, чем попало, на случай сопротивления.

Большинство, следуя за Куманьком, Лёнкой, Узбеком, чувствуя себя хозяевами положения, увлечено процессами разрушения, ломки всего, что можно сломать, и процессами изобретательства.

1

Группа Кабана ломает решётки кладбищенских оград. Некоторые натачивают железные прутья о могильные плиты.

2

Мальчуган забрался на купол колокольни, зацепился ногами за перекладину креста и, вися вниз головой, орёт песню.

3

Двое ребят, изготовив рогатки, спрятались за углом стены и выбивают стёкла из окон церкви.

4

Кое-где, по углам, играют в карты, ссорятся, дерутся.

5

По двору, по саду расхаживает старший чекист, пощипывая усики, почёсывая затылок. Пробует разговориться с ребятами, это плохо удаётся ему, – ребята настроены враждебно. Добродушнее других относятся к нему Куманёк и Лёнька. Он беседует с ними о чём-то вполголоса. Лёнька, отрицательно качнув головой, показывает ему кукиш и уходит.

6

К завхозу приходят проигравшиеся в карты, босые, в одном белье, требуют обмундирования.

– Что вы издеваетесь над нами? Голыми ходим! Давайте

наше старое барахло!

Завхоз. Да ведь вы же видели, что мы его сожгли?

– Ничего мы не видели! Давай!

Им выдают новую форму, некоторые получают её в третий раз.

Куманёк (*кричит*). Ребята! Вот он где похоронен, Мартынов, который Лермонтова убил!

Лёнька. Давай сюда кости его! Давайте выроем, выкинем их из земли! Давай лопаты...

Разрывают могилу.

7

Язев. Бросьте, ребяташки, это – не дело покойников тревожить!

Лёнька. Боишься покойников-то? Мы на тебя, когда спать будешь, положим одного, который посвежее. И-эх, ты! Работай, братишки!

8

Язев в углу сада устроился на могильной плите, толчёт в жестянке уголь. Лохматый парнишка режет зазубренным ножом водопроводную трубу. Третий мальчик затёсывает полено, – делает приклад ружья. Подбегает ещё один – кричит:

– Вот – сера! Фунта два будет...

Бежит пятый:

– Братцы! Айда Мартына хоронить, – вот здорово!

9

Похороны Мартына. Кладбищем, между могил, идёт толпа беспризорных; впереди – Куманёк, в руках его – палка, на палке – череп. Рядом с ним Лёнька в рогоже на плечах, в изломанной камилавке³, в руке его – маленький горшок на верёвочке, из горшка поднимается дым. Дальше – десятка полтора мальчишек с палками, концы палок намазаны смолой или сапожным варом. Зажжены, дымят. На многих ребятах – монашеские клобуки, скуфейки, на плечах рогожи, тряпьё, мешки. Орут, свистят, приплясывают:

Эх, ох, эх, ох!

Мартын подох!

Он был рыженький такой.

Со святыми упокой

Сукиного сына – Мартына!

³ Головной убор духовенства, расширяющийся кверху цилиндр без полей. Чёрную – носят монахи. Фиолетовая даётся в награду священникам. – *Ред.*

10

Процессия вышла на монастырский двор, окружила по-мойную яму, и под свист, крик, пляску бросают череп в яму. Особенно возбуждены двое: Лёнька и Узбек.

Лёнька (*Куманьку*). Что теперь делать? Придумывай.

Куманёк (*оглядываясь*). А где менты-агенты?

Лёнька. Попрятались! Вся наша воля! Действуй.

11

Кабан, Язев и другие подбегают:

– Ребята! Валяй напролом. В город. Погуляем. Бери палки.

Язев. У нас шпалера есть!

Прикладывает к плечу оружие, – полено с отрезком водопроводной трубы, – зажигает спичку, из трубы извергается огонь и дым. Язев плашмя, спиной, падает на землю, часть ребятишек бросается во все стороны, – крик, свист, смех.

12

Кабан, как военачальник, действует в тылу своей армии, толкает ребят в спины, бьёт по затылкам, действует пинками,

орёт, гоня армию к воротам:

– Айда, черти! Дружно, все сразу. Ну! Прямо на лавки, бей стёкла, хватай, что под руку попало...

13-14

Старший чекист появился откуда-то из-за монастырской гостиницы и кричит, приставив ладони рупором ко рту:

– Выдают махорку, папиросы!

15

В толпе – смятение. Множество ребят обратилось вспять, окружая старшего чекиста, он что-то кричит, смеётся, указывая за угол гостиницы. Ребята бросаются туда.

16

Три агента арестуют Кабана, Язева, ещё троих взрослых, уводят их за ворота. Ворота закрываются. Лёнька выглядывает из-за угла.

17

Старший чекист ведёт Язева, за ними толпа ребятешек.

– Ну-ка, герой, раздевайся! Язев снимает блузу – под ней другая.

Старший чекист. Дальше!

Куманёк снял ещё блузу – под ней третья.

Голос. Эх, чёрт. Вроде кочна капусты.

Язев, ухмыляясь, снимает ещё одну блузу – под ней четвёртая.

Старший чекист. А штанов сколько на тебе? А куда выигранные ботинки спрятал?

Мальчики смеются.

Старший чекист. Вот, ребята, в этом и вся беда жизни: у одного – лишнее, а другой – голый.

Голос. Голый, да весёлый.

Старший чекист. Тепло – так весел, а холодно – нос повесил. Ну-ка, давайте поговорим о деле, о жизни... Вы бы сели, в ногах правды нет.

Лёнька. Правды нигде нет.

Старший чекист. А ты где её искал?

Лёнька. Везде.

Старший чекист. А как? Какую правду искал?

Лёнька. А ты какую нашёл?

Старший чекист. Вот послушай!

но. Подходит дядя Иван, старик-сапожник.

– Нет ли охотников сапожному делу поучиться? Я бы взял человек пяток. А?

Голоса: – Пошёл к чёрту! Проваливай, старикан, не мешай сказки слушать.

История болшевской колонии ГШУ

1

Контора тюрьмы. За столом – чекист и двое представителей тюремной администрации. Перед ними стоят и сидят человек двадцать заключённых, всё молодёжь, среди неё Сергей, Яков.

Чекист. Так вот, ребята, поняли?

Яков. Что-то мудрено...

Сергей. Трудно понять – чего тебе надо. Ну – поймали нас, потом по закону придётся выпустить.

Чекист. Верно. Выпустим, а вы снова приметесь воровать, а мы снова поймаем вас, и так будет до конца ваших дней, а конец этот – недалёк! Ведь вы будете всё хуже, придётся держать вас за шиворот всё туже – так?

Яков. Как будто – так.

Чекист. А парни вы – не глупые, здоровые, нужды-горя отведали много, знаете, почём сотня гребешков. Как будто и жалко вас. Так вот, попробуйте пожить трудом, а не воровством.

Один из группы. От трудов праведных...

Чекист ...не наживёшь домов каменных! Это – известно.

Так вот и сделана Октябрьская революция, чтобы власть над жизнью взял в свои руки трудовой народ. Попробуйте-ка и вы включить свои силы в работу трудового народа по строительству новой жизни, в которой единственным хозяином всей страны будет только рабочий народ. Идёт, что ли?

Голоса: – Ну, что же... Ни хрена не выйдет... В тюрьме сидя – добра не высидишь, конечно... Попытаемся. Ошибёмся – раскаемся.

2

Просёлочной дорогой идут почти десятка полтора тюремных жителей, среди них чекист. Он настроен весело, его команда – мрачно, подозрительно оглядывается по сторонам, перешёптывается.

3

Усадьба бывшая Крафта. Детально показать её заброшенность, старые здания, службы, засоренный парк и так далее.

4

Пришли. Продолжают осматриваться ещё более мрачно.
Сергей. А где стража?

Чекист. А зачем стража?

Яков. И решёток на окнах нет.

Чекист. А зачем решёток? Хотите – живите, не хотите – бегите, это – ваша воля.

Один из группы. Фокусы какие-то...

5

В усадьбу въехал грузовик, привёз продовольствие: хлеб, колбасы, большой самовар, посуду. Ребята, ухмыляясь, разгружают очень лениво. Чекист, работая с ними, поторапливает:

– Дружнее, ребята, на себя работаете!

Начали хозяйничать. Метут пол. Устанавливают койки. Настроение недоверчивое, посмеиваются друг над другом.

– Эй ты, горничная, не пыли...

– Поджечь рухлядь эту...

– Неплохо бы...

Сергей. Поджечь всегда успеем.

Яков. Интересно, чёрт их драл, чего они затеяли? Чего хотят добиться?

Сергей. Поживём – увидим.

7

В комнате. На одной из её стен – портрет Ленина.

Сергей. Мы здесь будем жить?

Чекист. Можно и здесь.

Сергей. Убирай образа – мы неверующие.

Чекист. Здесь Ленин жил.

Сергей. Это нам всё равно – кто.

Яков. В тюрьме чище было, чем здесь.

Один из группы. Вычистить не трудно, а вот как жить будем?

Сергей. Может, и не будем...

8

Утро. Ребята один за другим выходят из дома на волю.

Голоса: – Ну, что же, чай пить надо.

– А кто самоваром займётся?

– Ну его к чёрту, я чаю не хочу.

– Выпить бы.

– На какие деньги?

– Н-да-а...

Сергей. Сделаем жеребьёвку, кому самовар ставить.

Яков ставит самовар. Остальные греются на солнце, лениво бродят по парку. Сергей, стоя под деревом, курит, размышляет о чём-то, поглядывая на товарищей. Из окна смотрит чекист, спрашивает:

– Скушно?

Сергей. Не весело.

Чекист. Займитесь делом – веселее будет. Вы, конечно, понимаете, что дармоедов кормить рабочее государство не будет. За всё, что вы здесь получите, надо будет отработать. Это – обязательно. Кто не работает – не ест.

Сергей. Богатые не работают, а едят хорошо.

Чекист. Вот за то рабочий класс и послал их к чёртовой матери.

Один из группы. Думаешь – не вернуться они? Вернутся. Не бывало этого, чтобы мир без богатых жил.

Чекист. Мало ли чего не бывало! Вот и тебя не было, а теперь и ты украшаешь землю.

Ребята смеются – оппонент чекиста невзрачен, истощён, оборван.

10

Сергей, Яков и невзрачный паренёк, Кашевар, засыпают землей и щебнем выбоины на дороге перед крыльцом.

Сергей. Чекист этот не дурак.

Яков. Весёлый.

Парень. Обманывает. Вот – работать заставил.

Сергей. Не работай.

Парень. А ты зачем работаешь?

Яков. Захотелось, ну и работаем.

11

Кашевар – на коньке крыши, угрюмо смотрит вниз. Ему видно, что почти все товарищи заняты каким-нибудь делом: двое укрепляют расшатанную ступень крыльца, человек пять сносят в кучу старые доски, метут двор мётлами. Всё делается не торопясь, неумело, от скуки. В парке под кустами: двое – спят, трое – беседуют.

– Ночью мы обошли вокруг – нет ли где надзирателей спрятано?

– Нет?

– Чёрт их знает, чего они затеяли.

– Н-да...

– И никто из нас не сбежал отсюда...

– Раскисли.

12

Через несколько дней. На крыльце – чекист, перед ним – колонисты.

Кашевар (*жалуется*). Ты пойми: в тюрьме – скушно, так там заперты мы. А здесь будто на воле, однако – связаны.

Чекист. Ну, что ты? Чем связаны?

Кашевар. Чёрт его знает.

Сергей. Ты бы нам газет дал, что ли.

Чекист. Газет – можно! И книг – можно. Только за ваш счёт. После взыщем с вас, когда вы работать начнёте. Ведь вы не нищие, не милостину просите, да? Ну вот, завтра будут книги и газеты. А вы устройте читальню в тех комнатах, где Ленин жил.

Яков. Ты бы рассказал нам про Ленина-то.

Чекист. Можно.

13

Лунная ночь. Колонисты собрались на крыльце. Некоторые курят.

Сергей. Значит, ребята, мы всерьёз решаем жить здесь

дружно, работать, учиться. Попробуем встать на другие рельсы. Так?

Два голоса:

Один (*нерешительно*). Что ж. Видно – так!

Другой. Решили. Довольно трепаться!

Сергей (*остальные молчат*). Чекист ясно рассказал нам, кто мы и какие дороги лежат перед нами. Одна – в Соловки, а то и под пулю. Другая – к рабочим, а рабочие и в самом деле стали хозяевами, везде они правят, это – видно. Ежели начат бой между богатыми и бедными – середины не может быть, и – нет её. Не с богатыми же нам идти.

Яков. Да если богатых не будет, так у кого же воровать?

Кашевар. На наш век богатых хватит.

Сергей. Ну, ребята, – как? Подымай руки, кто за работу?

Руки подняли все.

Яков (*кричит*). Здорово!

14

Колонисты поют песню. Она звучит грустно, как будто парни прощаются с прошлым.

15

Кашевар и ещё один отходят в сторону, шепчутся, его со-

беседник отрицательно мотает головой, отмахивается, идёт к поющим.

16

Кашевар стоит, отшвыривая носком сапога камешки. Сергей поёт и следит за ним.

Устраиваются

1

Организуют ленинский уголок.

2

Организуют кооператив.

3

Приход ещё одной группы из тюрьмы. В этой группе – девушки, немного – три, пять.

4

Утро. Просыпаются. Вбегает Яков.

– Ребята! Кашевар уплыл. Нагрузился одеялами, одеждой, и – нет его. В деревню, надо думать, пошёл, продавать.

Общее возмущение.

– Вот – курва, сукин сын!

– Надо ловить!

– Где его поймаешь?

Сергей. Ребята, мы друг за друга отвечаем, так или нет?

Яков. Поступок его – не товарищеский. У своих воровать, – вы знаете, что за это следует?

5

Лес. На опушке, в кустах – Кашевар, сидит и курит, поглядывая в поле.

6

Из леса подкрадывается Сергей и ещё один парень. Схватили Кашевара. Сергей свистит. Подбегают ещё двое. Кашевар прижат к земле, распластан на ней, но его не бьют.

Сергей. Ты, сволочь, что же сделал? Опять хочешь в тюрьму загнать нас?

Голоса. – У своих, сукин сын!

– Не стыдно – у своих-то!

– Вздуть его!

– Башку свернуть.

Сергей. Погодите! Разденем догола, и пускай идёт куда хочет.

Крики: – Верно!

Смех.

7

Кашевар, голый, стоит в кустах, смотрит в поле.

8

Полеом идут четверо. Сергей несёт большой узел, другой парень – одежду Кашевара.

9

Ночь. Идёт Кашевар в костюме Адама, перевязанный ветками рябины.

10

Ленинский уголок. За двумя столами пятеро читают газеты, книги. Сергей, Яков. Двое – пишут письма. Вбегает девушка:

– Ребята, Кашевар пришёл. (*Хохочет.*) Ой, издохну! Идите скорей... Ох...

11

На дворе собрались все колонисты. Перед ними – Кашевар. Хохот, крик, свист:

– Судить его!

– Чего судить! Повесить – и всё тут.

Сергей. Надо позвонить в ГПУ. (*Ушёл.*)

12

Сергей у телефона. Рядом с ним Яков и ещё двое.

Сергей (*угрюмо*). Как же мы его поведём к вам, товарищ? Мы не агенты угрозыска, не милиция. Чего? Неловко нам. Сами посудите: воры вора в ГПУ ведут. Как? Бить, действительно – били. Чего? Ну, бывало, и убивали... Я слышал. Так это – доносчиков, шпионов, а он... Сам?

Повесил трубку, отирает потный лоб.

– Ф-фу чёрт! Уговорил. Согласился, что нам нельзя конвоировать Кашевара. Говорит: пошлите его, пускай сам придёт, а?

Яков. Не придёт, убежит.

Голоса: – Куда?

– На воле знают наши, что он своих обокрал.

– Не убежит! В ГПУ целее будет, а свои – башку оторвут.

13

На дворе.

Сергей (*Кашевару*). Ты, сволочь, завтра утром пойдёшь в ГПУ. Сам пойдёшь – понял? Ну – ступай к чертям, ангел голопузый.

Кашевар идёт в спальню, его провожают криками, свистом.

14

Кашевар в ГПУ перед лицом следователя.

Следователь. Ну что, парень? Солено пришлось. Выучили, как у своих воровать? Получишь пять суток ареста. Иди!

15

Несколько картин строительства Болшевской колонии. Показать вербовку новых членов старыми и количественный рост колонистов.

16

Картины оборудования деревообделочного, трикотажно-

Картины работы. Работает девица на трикотажном станке. Перед её глазами возникают картины прошлого. Она танцует с парнем, в круг танцующих врывается другой, выпивши, вырывает её из рук партнёра, тот ударил его, но оказался слабее, сбит с ног, сидит на полу и кричит:

– Сашка, не смей плясать с ним!

Она пробует вырваться, новый партнёр схватил её за волосы:

– Куда, стерва?

Зрители хохочут. Кончив танцевать, партнёр отталкивает её. Она ищет первого партнёра. Его – нет. Выходит на двор, освещённый фонарем с улицы и огнями окон.

Садится на какой-то ящик, плачет. Появляется первый, подходит к ней.

– Что, сволочь, ты опять с ним? Бьёт её, она падает с ящика в грязь.

В деревообделочном парень строгает фуганком доску. Устал, стирает пот с лица, присел на верстак, закуривает. Видит себя в прошлом: его поймали на рынке, бьют, является агент угрозыска, вырвал его из толпы, ведёт, угрожая:

– Добьёшься, болван, что тебя ногами растопчут!

Затем видит себя прилично одетым около цирка, на Садо-

вой. Тот же агент, положив ему руку на плечо, спрашивает:
– Ага, это ты, старый приятель? Третий раз я тебя ловлю.
Ну-ка ты, что тут делаешь? Что в карманах добыл?

Парень, не торопясь, достаёт из бокового кармана «кси-ву».

Агент читает:

«Предъявитель сего столяр деревообделочного цеха колонии ГПУ № 1»...

Агент, усмехаясь, говорит:

– Вот как? Ну – прошу извинить!

В металлическом кузнец прокаливает пластинки для коньков. Он же в прошлом – взламывает дверь магазина. Ему помогает ещё один, третий – на стрёме. Стрёмщик тихо свистит. Оба бегут. Взломщик поскользнулся, упал, на него бросился дворник, но откатился в сторону. Взломщик бежит, в его руке – фомка. Навстречу милиционер. Взломщик бьёт его фомкой по голове, но попадает в руки другого дворника, схвачен.

Спальня девушек, одна из них, сидя на койке, читает книгу. Перестала читать, закрыла глаза. Проходит ряд картин: пьяный отец, больная мать. Девиче лет 12. Её первое воровство: украла булку с лотка. В 14 лет она трамвайная воровка. В 16 – популярна среди товарищей как искусная профессионалка. Её любовник – наркотоман, грабитель. Она «захоронила» на улице гостя, ведёт его за собой. В глухом переулке на гостя бросаются двое, бьют, он – падает. Девушка

помогает обыскивать его, раздевать. Любовник с товарищем бегут, заслышав шум шагов, она схвачена за юбку ограбленным, бьёт его ногой, но безуспешно. Он кричит, подбегают люди, её схватили.

18

Общежитие.

19

Заводы в оконченном виде.

20

Вечер самодеятельности колонистов. Пение, пляски, музыка. Маслов за работой. Стенгазета.

21

Политграмма.

22

Посещение Болшевской колонии колонистами Нико-

ло-Угрешской. Пришло человек пятнадцать. Среди них – Куманёк, Язев и Лёнька. Он особенно внимательно присматривается ко всему и ко всем. Отношение большевцев к ним – снисходительное, ироническое. Куманёк увидел знакомую девушку, бросился к ней, облапил:

– Нюрка! Ты? Здесь?

Девушка. Прочь! Не лапай. Я замужем...

Куманёк ошеломлён. Перед его глазами – встаёт прошлое. Он гуляет с этой девушкой, обняв её за талию.

23

Лёнька в стороне допрашивает парня, лет 17:

– Бьют?

– Нет.

– А сами друг друга бьёте?

– Тоже не бывает.

– Врёшь?

Парень говорит с Лёнькой улыбаясь.

– И – не воруете?

– Не требуется. Всё наше, а у себя – не воруют.

Лёнька рассердился, толкнул парня кулаком в живот, кричит:

– Ты чего мне врёшь, пузатый чёрт? Что я – маленький? Скажи на милость – не пьёт он, не дерётся, не ворует, во святые попал, сукин кот!

Парень хохочет. Его и Лёньку окружают другие.

24

Другой парень, тоже встретив старого приятеля; беседуют:

– Как же вы с девицами? Свободно?

– Мы не собаки, мы от собачьей жизни отказались.

– Холостыми живёте?

– Женимся. Только с разрешения общего собрания. Женимся и на деревенских. Вот сегодня свадьба будет, наш парень деревенскую берёт...

25

А в начале жизни колонии: пришли мужики и сердито говорят заведующему:

– Вы, товарищи, воров поселили тут под боком у нас. Это нам – вредно. Мы упреждаем, что ежели воровство начнётся – заведение это со всех концов вспыхнет, а ворам черепа побьём. Мы это честно упреждаем.

26

Свадьба. Пляски, пение, музыка. Лёнька внимательно

смотрит на всё. Говорит соседке, девице:

– Это зачем тут мужики?

– Отец невесты, родные её. А – что?

– Ничего. Балаган это. Подстроено всё. Вроде цирка...

Обманываете.

Отошёл прочь.

27

Узбек разговаривает с негром:

– Почему чёрный? Это больной ты?

– Я негр потому что.

– Ну? Били тебя?

– Нет, природа такая.

– Смеются над тобой?

– Нет. Здесь товарищи хорошие.

Узбек, сплюнув, отходит прочь, останавливается, размышляя. Мимо идёт девица, остановил её:

– Подожди. Ты – проститутка?

– Я трикотажница, а ты – глупый мальчишка. Дурак – понял?

– Подожди. Если я тебя обидел, надо меня бить. Почему не бьёшь?

Девица смеётся, спрашивает:

– Ты кто?

Взяла его под руку, кричит кому-то:

– Миша, поди-ка сюда!

28

Лёнька около духового оркестра, рассматривает корнет-а-пистон. Музыканты готовятся играть, корнетист взял инструмент из рук Лёньки. Играет. Лёнька, очарованно улыбаясь, смотрит на корнетиста.

29

Кипит свободное веселье.

30

Куманёк и Узбек – в стороне, к ним идёт Лёнька.

Куманёк. Ловко устроились.

Узбек. У меня голова колесом вертится – так!

Показывает руками, как вертится голова.

Лёнька. Весело живут, черти! Музыка своя. И – всё.

Куманёк. Книг – до тысячи.

Лёнька. Буду проситься сюда...

Куманёк. Не примут.

Узбек. Здесь работать надо, мы не умеем.

Лёнька. В музыканты попросимся.

Снова в Николо-Угреше

1

Человек пятнадцать парней, раскачивая бревно, вершков четырёх толщиной, таранят им стену монастыря. Сыплется разбитый кирпич.

2

На дворе ломают койки монахов, делают из них санки. Но некоторые уже чинят поломанные койки, не давая их ломать. Из-за этого дерутся. Подходит мастер, слесарь.

– Не так, ребята. Дайте поучу.

3

В одном из помещений монастыря человек двадцать столбят, делают инкубаторы. Один из парней сделал шкатулку для себя, любит её. Другой – табуретку. Сравнивают работу, хвастаются.

4

Лёнька достал где-то измятую валторну, пробует играть на ней, ничего не выходит. Идёт к инструктору-слесарю:

– Ну-ка, почини, чтобы играла.

– Этого я не умею сделать.

– Так чего же треплешься здесь?

5

Всё время слышны глухие удары тарана в стену. В общем для большинства скучно. Ребята валяются на дворе группами, кое-где пробуют петь. В одной группе беседует Куманёк, в другой – Узбек.

6

На дворе появились Яков и Сергей.

7

Стену протаранили, образовалась большая дыра. Один из мальчиков лезет в неё, но раком пятится назад. Вылез, отряхивается.

– За стеной – мент с прутом в руке. Зря долбили.

8

Идут двое ребят. У одного на поясе шесть ложек, на шее несколько полотенец. Другой обёрнут простынёй, одеялом. Сергей спрашивает их:

– Куда же вы?

– Гуляем.

– А это – вещи куда?

– Выиграли в карты. Продаём. Купи?

9

Человек триста собралось в церкви. Яков на амвоне. Ловит муху: ему рукоплещут. Кто-то кричит: «Эх, гармошки нет! Сплясать бы».

Яков. Вы бы, черти, работали, тогда и музыка будет.

Крики: – Ребята – «Берёзку»!

10

Явился Лёнька с трубой, ещё один с барабаном, третий – с гитарой. Всё это вместе звучит дико. У Лёньки отняли трубу и сломали.

Крик. Ребята – спать!

Яков. Давайте завтра займёмся, организуем хоришко.

Голоса: – Дело! Можно! Идёт!

11

Разошлись. На амвоне остался Яков, его окружают Куманёк, Узбек, подошёл Лёнька и ещё четверо, затем явился Сергей.

Яков. Ну, что?

Куманёк. Поддаются.

Узбек. Не очень.

Сергей. Вы говорите им: будете работать – всё будет!

12

Спальная. Ребята укладываются на койках, но некоторые на полу.

13

Входит Лёнька с паршивенькой собачкой на руках, подошёл к своей койке, подумал. Положил собаку на койку, окутал её одеялом, сам лёг на пол. Сосед спрашивает его:

– Ты что это?

– Ничего. Мне – всё равно, как спать, а она никогда на постели не спала.

14

Все спят. Лёнька встал, подошёл к окну, открыл. Сел на подоконник, ноги за окно.

15

Стена дома. Окно. В нём Лёнька сидит и тихонько поёт.

16

Показать Николо-Угрешу в его современном виде. Затем – так же Болшево. Дать цифры производства.